

Александр Романов

ГРАВИТАЦИЯ

часть 1

Неизбежность

aegitas

Гравитация

Александр Романов

Неизбежность

«Aegitas»

Романов А.

Неизбежность / А. Романов — «Aegitas», — (Гравитация)

ISBN 978-1-77-313005-7

Около 12 миллиардов лет назад появилась Вселенная. Она стала общим домом для материи, полей и всех живых существ. В основу строения Вселенной был заложен простой принцип Гравитации и двойственной природы мироздания. Были созданы галактики и чёрные дыры, звёзды и планеты, ядра и частицы, мужское и женское начало. На протяжении сотен тысяч лет люди, появившиеся на планете Земля, были окружены магией таинственных знаков и самого главного из них — числа 12. Долгое время человечество не могло понять истинного смысла и важности этого числа. Ему придавали божественное значение, использовали в системах отсчёта времени и календарях. Однако, очень скоро всем живым существам во Вселенной придётся осознать истинную важность этого числа... Ключевая и самая масштабная работа Александра Романова трилогия “Гравитация” - высококачественная научная фантастика, не уступающая творчеству братьев Стругацких по полету философской мысли, а по художественному изложению и по масштабу даже превосходящая их.

ISBN 978-1-77-313005-7

© Романов А.

© Aegitas

Содержание

/Галактика «Млечный путь». Солнечная система. Планета Земля. 2101 г. н. э./	6
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Романов

Гравитация. Часть 1. Неизбежность

Около 12 миллиардов лет назад появилась Вселенная. Она стала общим домом для материи, полей и всех живых существ. В основу строения Вселенной был заложен простой принцип Гравитации и двойственной природы мироздания. Были созданы галактики и чёрные дыры, звёзды и планеты, ядра и частицы, мужское и женское начало.

На протяжении сотен тысяч лет люди, появившиеся на планете Земля, были окружены магией таинственных знаков и самого главного из них – числа 12. Долгое время человечество не могло понять истинного смысла и важности этого числа. Ему придавали божественное значение, использовали в системах отсчёта времени и календарях. Однако, очень скоро всем живым существам во Вселенной придётся осознать истинную важность этого числа...

/Галактика «Млечный путь». Солнечная система. Планета Земля. 2101 г. н. э./

Учительница активировала трёхмерный проектор и погасила свет в аудитории. Это был громадный зал, из любого места которого всем было идеально видно создаваемое мощным световым устройством изображение. Здесь была важна каждая деталь, каждая точка и интенсивность её свечения. Персональные мониторы были начищены до блеска, а столы из твёрдого тёмно-коричневого пластика не поддавались физическим воздействиям, и посему исключали даже самые смелые и откровенные попытки начертить на них конспекты или шпаргалки. Ученические места были оснащены специальными сенсорами, которые считывали показатели температуры тела, давления, степени усталости и даже «показатель усидчивости». Недавно установленные ионизаторы воздуха нового поколения не только очищали и обогащали кислородом воздух, но и насыщали комнату специальными веществами, ускоряющими мыслительные процессы в организме. Их единственным недостатком являлось ограниченное применение – вещества действовали лишь до определённого возраста – до шестнадцати лет.

В школах XXII века произошли значительные изменения – как по принципам преподавания, так и по возрасту самих учащихся. Из-за появления новых отраслей науки, важности их развития на планете и необходимости обучать детей ещё большему количеству материала, многие предметы были объединены и систематизированы. Из-за схожести предметных линий изложения и доказательства на практике теории нано- и макромира доктора Фостера, предметы астрономии и физики были объединены в одну дисциплину. Преподавание в школе теперь длилось четырнадцать лет, и дети поступали в школу уже в четыре года. Таким образом, к двадцати двум годам многие успевали сделать головокружительную научную карьеру. Благо, вакансий учёных в Институте имени Фостера было предостаточно. Институт занимал территорию целого государства и насчитывал более миллиона сотрудников из всех стран и планет Солнечной системы.

Во всех точках аудитории появилось трёхмерное изображение Вселенной, которое вызвало неподдельный восторг всех учеников. Такие красивые туманности, переливающиеся из красного в зелёный и синий цвет, было сложно представить себе даже в самом фантастическом сне.

Учительница, облачённая в строгий тёмно-синий костюм и с собранными в пучок светлыми волосами, тем временем продолжала лекцию по физико-астрономии:

– Как вы уже знаете из курса «Основы ракетостроения», идея о возможности запуска космического телескопа на орбиту планеты была высказана ещё в конце XIX века великим русским учёным Константином Циолковским. Чуть позже, в практическом ключе, этой проблемой занялся и немецкий учёный, один из пионеров ракетостроения – Герман Оберт. Работы по выводу искусственных спутников в космос были воплощены в жизнь великими конструкторами – Сергеем Королёвым и Вернером фон Брауном – в середине XX века.

Первоначально запуск телескопа на орбиту планировался на октябрь 1986 года, но известная вам из курса «Форс-мажоры в науке» катастрофа шаттла «Челленджер» приостановила программу «Спейс Шаттл» на несколько лет, и запуск пришлось отложить.

После возобновления полётов шаттлов в 1988 году запуск был окончательно назначен на 1990 год. Шаттл «Дискавери» – прошу запомнить код Шаттла – STS-31, так как я буду обязательно спрашивать его в ходе вашей квартальной контрольной работы, – стартовал 24 апреля 1990 года, и на следующий день вывел телескоп на расчётную орбиту.

Космический телескоп «Хаббл» – это самая первая автоматическая обсерватория, которая была размещена на орбите планеты Земля, названная в честь Эдвина Хаббла, известного

в позапрошлом столетии великого астронома. «Телескоп “Хаббл”» был инициирован как совместный проект космического агентства США и Европейского Космического Агентства. Размещение телескопа в космосе впервые в истории человечества дало возможность регистрировать электромагнитное излучение в тех диапазонах, где земная атмосфера непрозрачна, и в первую очередь, конечно же, в инфракрасном диапазоне. Из-за отсутствия влияния атмосферы разрешающая способность телескопа в десять раз больше любого аналогичного телескопа, расположенного на Земле.

А сейчас прошу вас по одному подойти к окну и посмотреть в наши земные телескопы. Теперь, думаю, вы понимаете, почему этот спецкурс читается вам ночью. Из-за солнечной активности днём светимость удалённых звёзд нам практически не видна.

Много миллиардов лет назад наша Вселенная представляла собой всего лишь крошечную точку, но при своих микроскопических размерах она обладала такой колоссальной энергией, которая могла создать триллионы триллионов космических объектов. В результате так и не изученного до конца процесса, точка с микроскопической массой и макроскопическим запасом энергии взорвалась. Данный процесс в целом вполне согласуется со знаменитой формулой, выведенной ещё Альбертом Эйнштейном: энергия равняется произведению квадрата скорости света на массу. Так произошло самое важное событие в нашей Вселенной – Большой Взрыв. Он и породил всю массу и весь объём энергии, который мы с вами видим вокруг себя, и из которого состоим мы сами. Сгустки вещества стали образовывать туманности, туманности, в свою очередь, галактики, галактики стали образовывать звёздные системы, а звёзды в центре системы стали образовывать планеты.

В этот момент маленькая и самая любознательная девочка подняла руку и перебила учительницу.

– Простите! Но разве не Бог создал космос, Солнце, планеты и людей?

Учительница удивлённо посмотрела на неё и, взяв небольшую паузу, быстро оглядела чрезмерно любопытствующее дитя пристальным, но весьма добрым взглядом.

– Нет, София! Эти домыслы уже много десятилетий назад были опровергнуты мировыми учёными из более чем двухсот стран на юбилейном международном конгрессе, посвящённом принятию теории эволюции Вселенной, основанной на трудах трёх великих учёных: Чарльза Дарвина, Альберта Эйнштейна и нашего с вами соотечественника Александра Фридмана. В ней была доказана вся цепочка эволюции Вселенной, начиная от Большого взрыва, зарождения галактик, звёзд, планет и живых существ. После этого Организацией Объединённых Наций было предписано всем учебным заведениям прекратить преподавание теологических предметов в школах.

Ответив на вопрос, учительница продолжала повествование в спокойном и отчётливом тоне, делая акцент на самых важных, по её мнению, фактах.

– ...В одной из таких областей зародилась и наша галактика – Млечный путь, а в ней – Солнечная система, которая состоит из звезды Солнца, а также восьми планет, четыре из которых составляют так называемую «земную группу». Это, конечно же, хорошо вам известные Меркурий, Венера, Земля и Марс, а оставшиеся четыре – это планеты-гиганты Юпитер, Сатурн, Уран и Нептун. Всё это было известно уже в XX веке. Но это далеко не всё, что теперь знают люди о природе Вселенной.

В середине XXI века великим русским физиком доктором Фостером были открыты новые явления, проливающие свет на природу и строение Вселенной. Было доказано, что и вся материя на нашей планете и даже мы сами состоим из молекул, молекулы состоят из атомов, которые, в свою очередь, являются сами по себе звёздными системами для наномира. Позже изобретённый в Международном институте исследования субъядерных частиц имени Фостера самый мощный микроскоп на планете Земля доказал правдивость этой теории. Каждый атом в приближении оказался мельчайшей звёздной системой, в которой ядро атома является не чем

иным, как звездой, обладающей огромным запасом энергии, высвобождаемой при ядерном распаде. Однако не все ядра одинаковы: одни являются звёздами, другие – нет. Ещё в позапрошлом веке супругами Кюри было сделано открытие особых частиц – элементов, обладающих эффектом радиоактивности, то есть способности к самопроизвольному высвобождению энергии. Подобные ядра и являются звёздами в наномире. Остальные частицы – просто обычные планеты-гиганты, как наши Сатурн и Юпитер. Но самым важным открытием явился эффект вселенского характера гравитации. Именно она удерживает элементарные частицы (нанопланеты) на орбите любого ядра (звезды). Из этой теории следует истинная пространственная бесконечность Вселенной, так как внутри каждой даже субъядерной частицы в свою очередь возможно существование миров ещё более мелких, чем обнаруженный нами наномир. А наша планета Земля вполне может быть обычным протоном какого-то элемента макромира. Возможно, кто-то в макромире тоже пытается сейчас рассмотреть нас с вами в свой микроскоп.

Все дети в классе засмеялись от остроумного замечания учительницы. По аудитории распространился шум и шуршание, которые, впрочем, она довольно быстро пресекла своим строгим голосом и, выдержав паузу, продолжила:

– Но, видимо, там у них, рассматривающих нас, это также не очень хорошо получается. Разница в наших размерах слишком велика. В связи с тем, что проникнуть в ядра и рассмотреть субатомные частицы таких размеров до сих пор является непреодолимой задачей, учёные Института на данный момент не ведут исследований в области поиска наноскопических образований и жизни внутри элементарных частиц, а заняты процессом путей уменьшения самой материи. Возможно, когда-нибудь будет изобретён так называемый демиллизатор материи, и тогда, уменьшив размеры своего собственного организма, мы сможем увидеть и наномир. Но пока... – учительница задумчиво посмотрела на детей в классе, – ...пока это остаётся неразрешимой проблемой даже для самых лучших учёных на нашей планете.

Трёхмерное изображение расплылось в сизом тумане, и компьютер, пропищав три раза, известил о завершении видеопотока. И хотя все находившиеся в классе дети были очень заинтересованы услышанным и увиденным, они всё же поддались своему естественному рефлексу, так свойственному каждому ребёнку в их возрасте, и начали шептаться. Меж тем учительница подключила другой чип памяти в компьютерный проектор и с воодушевлением (было заметно и невооружённым глазом, какое наслаждение она получала от изложения своего любимого предмета) начала новую тему.

– Сегодня мы с вами приступим к изучению самого известного небесного тела, о котором знали ещё наши далёкие предки, не имевшие даже понятия о существовании телескопов. Это, конечно же, звезда, о которой вы больше всего слышали, – Полярная звезда в созвездии Малой Медведицы, или, как её иногда называют астрономы, Киносура. Это сверхгигант спектрального класса F7Ib. Примерное расстояние от звезды до нашей планеты составляет 430 световых лет. Надеюсь, вы помните из спецкурса классической физики, что световой год – это не мера времени, а мера расстояния, которое проходит свет за один земной год. Также есть другая мера космических расстояний. Какая?

Все дети в один голос закричали:

– Парсе-е-е-к!

– Молодцы, но об этом мы поговорим на следующих уроках. Итак, в нашу эпоху Полярная звезда находится менее чем в одном градусе от Северного полюса и поэтому кажется почти неподвижной при суточном вращении звёздного неба. Она очень удобна для ориентирования на местности. Направление на неё практически всегда совпадает с направлением на север, и по этой причине она является излюбленной звездой моряков, так как по ней они всегда смогут найти дорогу домой.

Полярная звезда является ближайшей к Земле пульсирующей переменной звездой типа дельта Цефея – именно этим объясняется её столь сильная светимость. Наши предки ошибочно

полагали, что эта звезда – просто светящаяся точка. Полярная звезда на самом деле представляет собой тройную звёздную систему. В её центре располагается сверхгигант – Полярная А, в 2000 раз превосходящая по яркости наше Солнце. Полярная В расположена на некотором удалении от Полярной А, поэтому разглядеть её в телескопы нетрудно даже с поверхности Земли. Однако карликовый компаньон центральной звезды – Полярная Ab – располагается к гиганту настолько близко, что впервые сфотографировать её удалось лишь телескопу «Хаббл».

К сожалению, как вы, наверное, слышали из новостей, Центр пилотируемых полётов при Институте потерял контроль над телескопом несколько месяцев назад, и пока мы временно лишены необходимых нам изображений и координат на экранах мониторов, которые поступали к нам непосредственно с «Хаббла». Все мы очень надеемся, что скоро Центр пилотируемых полётов всё же сможет удачно запустить новый, ещё более мощный орбитальный телескоп, а пока будем использовать архивные данные.

– Говорят, уже две запуски загубили, и все никак... – послышался озорной мальчишеский голос с последней парты.

– Так... Так... Тишина в классе! – осекла его учительница, звонко ударив ладонью по столу. – Разговоры оставим на перемену! Нам нужно успеть закончить эту тему. Итак. Ещё в 1922 году в Риме решением первой Генеральной ассамблеи Международного астрономического союза был окончательно утверждён список из 88 созвездий, на которые было поделено звёздное небо, а в 1930 году были приняты чёткие и однозначные границы между этими созвездиями, проведённые строго по кругам прямых восхождений и склонений экваториальной системы координат. На протяжении пяти лет в реестры границ созвездий вносились уточнения, и в 1935 году границы были окончательно утверждены.

Из 88 созвездий только 47 являются древними, известными уже несколько тысячелетий. Они имеют названия, связанные преимущественно с мифологией Древней Греции, и охватывают область неба, доступную наблюдениям с юга Европы. Остальные современные созвездия были открыты и названы в XVII – XVIII веках в результате изучения южного неба, в эпоху великих географических открытий и заполнения пустых мест на северном небе. Названия этих созвездий, как правило, не имеют мифологических корней. Вот основные созвездия, которые мы с вами рассмотрим сегодня...

Учительница вывела на карту параметры трёх созвездий: Большая Медведица (площадью 12 – 80 кв. градусов), Кит (12 – 31 кв. градусов), Геркулес (12 – 25 кв. градусов). Все числа «12» на карте светились ярким голубым светом.

София снова подняла руку и задала вопрос:

– Извините, а все ли градусы созвездий начинаются с числа 12?

Учительница удивлённо посмотрела на экран и, спустя мгновение, задумчиво ответила:

– Нет, София, конечно же, не все. Эти созвездия я выбрала потому, что они являются самыми крупными из известных человеку.

София изобразила недоверчивую гримасу, и на её щеках появились маленькие ямочки. С самого детства она делала так, когда её поражали странные совпадения. Такие совпадения всегда казались ей слишком нелогичными, но, как говорил ей отец, «до тех пор, пока научный факт не подтверждён практическим экспериментом, каждая теория является просто кажущимся со стороны странным совпадением».

Внезапно отголосок взрыва разбудил Софию, школьная аудитория растворилась в воздухе и три числа «12» из её сна слились воедино – это было число 12 на будильнике, который стоял на столе рядом с кроватью. Оно отчётливо выделялось на фоне других чисел циферблата, светясь ярко-синим цветом.

«Даже во сне мне мерещится физико-астрономия и школа! А ведь прошло уже столько лет! Вся жизнь – одно бесконечное копание в науке. В мои 25 мне бы уже проходить курс реабилитации где-нибудь на Венере рядом с мамой. Двенадцать часов дня», – бормотала она,

поднимаясь с кровати с таким трудом, как будто она вставала в пять часов утра. Она была самой настоящей «совой» и любила засидеться до трёх-четырёх часов ночи. Хорошо, что её рабочий день в Институте начинался с 12 утра и заканчивался в 8 вечера.

София лёгким движением смахнула с себя шифоновую ночнушку и огляделась вокруг. Плотные шторы скрывали комнату от обжигающих солнечных лучей, гигантская ионная видеопанель почти полностью покрывала стену справа от входа, на тумбочке лежало несколько книг с красными закладками. Хотя днём сотни терабайт информации с удобной системой поиска проходили через экран её рабочего компьютера, она всё равно не могла отделаться от старой привычки – читать перед сном «обычные» книги. Прикасаясь к каждой странице рукой, она ощущала тепло; ей нравился сам запах бумаги и типографской краски. Окружавшие её искусственные материалы, были холодны; и пусть они сверкали и блестели и были долговечными, но не могли принести необходимое расслабление, заставить моментально после прочтения пары страниц погрузиться в мир сновидений.

Она догадывалась, что разбудивший её взрыв, скорее всего, связан с экспериментами отца, которые он производил в полукилометре от их дома.

Александр Фостер, сын великого доктора Фостера, вот уже много лет воспитывал дочь один, и для Софии он был её собственной Вселенной. Мать Софии вот уже много лет боролась с тяжёлым недугом, который охватил планету после того, как все страны не смогли прийти к соглашению по дополнениям к «Киотскому пакту об ограничении вредного воздействия на атмосферу». Туберкулёз-Б стал последним, но и самым опасным вирусом на Земле, он не щадил никого – ни маленьких детей, ни пожилых стариков; единственной возможностью сохранить и продлить жизнь инфицированным стали специализированные «медицинские купола», из которых самыми престижными считались венерианские. Туда после недвусмысленного и сурового вердикта лечащего врача была вынуждена оправиться и мама Софии. Специальная атмосфера, поддерживаемая внутри «купола» высокотехнологичными медицинскими установками по очистке и обогащению воздуха, а также излучаемые нано-волны, запрограммированные на гармонизацию душевного состояния больных, помогали своим лечебным воздействием, одновременно отвлекая их от тяготящих сознание мыслей о злой и несправедливой шутке судьбы, допустившей подобную трагедию в жизни подчас ни в чём не повинных людей.

Выходя на кухню, она обратила внимание на электронный календарь. На нём также значилось число 12 и отображался 12-й день месяца. Стоял декабрь, но на улице в месте их нового жительства температура даже зимой редко опускалась ниже +15 градусов.

София налила себе кофе, который заварился в специальной машине через пять секунд после её включения. С самого детства у неё была необычная привычка – она всегда делала несколько дел одновременно. Вот и сейчас чашку ароматного кофе она решила совместить с тем, чтобы навести порядок на массивном кухонном столе. Её отец тоже имел странную привычку, из-за которой они частенько ругались. Он постоянно разбрасывал книги, листки бумаги, журналы, газеты везде, где он занимался расчётами, формулами или вычислениями. Разбрав стол, она одновременно бегло читала заголовки, написанные большими буквами на первых страницах газет и журналов, боясь выбросить что-то важное. «Звёздное обозрение» от 12 декабря 2052 года: «Вспышка на Солнце приводит к повышению температуры Земли на 20 градусов», «Космические известия» от 12 декабря 2062 года: «Учёные лаборатории исследования солнечной активности Института заявляют: «Всеобщего переселения на “Марс” и “Европу” не избежать», «Солнечная система и люди» от 12 декабря 2082 года: «Космический телескоп-пионер “Хаббл” в скором времени придётся заменять чем-то новым». Эти издания были настолько старыми, что сразу становилось понятным – заинтересовать они могли только её отца, притом исключительно в исследовательских целях.

Когда она в очередной раз наклонилась над столом, из-за воротничка её кофточки выскочил подвешенный на серебряной цепочке дедушкин талисман в виде сердечка из камня. Он

был привезён Владимиром Фостером из первых полётов на спутники Сатурна и не раз выручал её в трудную минуту. Она верила в его мистическую силу и никогда не расставалась с ним, считая, что часть дедушкиной энергетики, любви и заботы заключена в этом талисмани.

София допила кофе и, аккуратно сложив газеты в стопку и мельком посмотрев на часы, поняла, что уже опаздывает на работу.

* * * ~ ~ * * *

На огромной площадке, отдалённой от научного института на несколько десятков километров, к запуску готовился новый ракетоноситель с космическим телескопом X10 – РКЛ52М на борту.

В Центре управления полётами всегда было очень многолюдно, но особенно большое количество людей собиралось здесь во время важных стартов для выведения в космос тяжёлых летательных аппаратов с научно-военной компонентой. Сегодня был именно такой день.

В этом огромном зале все было на своих местах; сотни расставленных по рядам компьютеров тихо шуршали своими вентиляторными блоками, на самой большой – центральной – стене величественно возвышался главный проекционный экран, непрерывно выводящий пунктирные изображения орбит и местоположения находящихся рядом с планетой космических объектов. Инженеры в ожидании долгожданного запуска тихо перешёптывались между собой, периодически поглядывая на таймер обратного отсчёта.

У входа в служебное помещение по контролю за запусками сверхтяжёлых звездолётов толпилась группа журналистов.

– Да пропустите же нас! Народ имеет право знать об успехах и неудачах Института! – проталкивался вперёд и чуть ли не дрался с вооружёнными до зубов охранниками репортёр «Звёздного обозрения» Максим Некрасов. Рядом с ним протискивался не менее задиристый Леонид Кузнецов из «Космических известий». Оба они хоть и были при парадных костюмах, всё же выглядели неряшливо: узелки на галстуках растрепались и съехали набок, рубашки в некоторых местах вылезали из брюк, и лишь чёрные пиджаки пытались гордо поддерживать остатки их официального делового стиля.

– Здесь вход по спецпропускам! – без единой эмоции и с металлом в голосе ответил охранник. Выдвинув вперёд нижнюю челюсть и нахмутив лоб, он широко раздвинул руки, пресекая на корню любую возможность пробраться через его неприступный бастион.

– Да вот же пропуск! Не видишь что ли, толстолобый?!

– Хватит уже показывать мне свои бумажки! Вход только по особым пропускам! Инженеры департамента запусков Института или военные!

– А я по совместительству! – прокричал Леонид, оттолкнув Максима сильным ударом по плечу. – Вот видишь – у меня серьёзный документ есть! – он протянул военному сложенную корочку.

Охранник достал специальный сенсор и провёл пропуск через его края. Прибор резко запищал, и рядом с его рукой загорелась красная лампочка.

– Так вы ещё и поддельными документами пользуетесь! – он взял рацию и начал вызывать базу. – Говорит пункт контроля, я – Двенадцатый! Нужно подкрепление! Двое репортёров пытаются пробраться в запретную зону по фальшивым пропускам! Пост покинуть не могу! Необходимо задержание!

– Чёрт! – прокричали вместе Максим и Леонид. – Всё из-за тебя, – синхронно пробормотали они и бросились бежать в разные стороны коридора.

В зале запусков на первой линии контроля стояли два компьютера и специальные информационные таблички, на которых значилось: «Инженер смены запуска Пётр Ровенский»,

«Инженер по гироскопическому оборудованию Михаил Донской». Два друга непринуждённо общались перед запуском.

– Да, Миш, надеюсь, на этот раз всё пройдёт успешно. Вот уже несколько лет Институт, да что там ... весь мир, можно сказать, ослеп, после того как гироскоп на «Хаббле» окончательно вышел из строя.

– Это точно. Всё подкручиваем в нём, подкручиваем – вот и докрутились. Телеметрия рухнула, не повернуть теперь эту махину ни туда, ни сюда. Говорят, такая же штука когда-то в NASA приключилась с одним из военных спутников. Ребята из отдела наземного наблюдения мне уже давно говорили, что сейчас как раз на Pismis идёт сильная активность, которую для Института очень важно исследовать. Что-то происходит там, а мы как будто через вуаль на всё это смотрим. Ничего не разглядеть. Старик «Хаббл» совсем никудышный, спускать пора его в Тихий океан уже на покой. Сегодняшний третий запуск Х-десятого – наша последняя надежда. Таких неудач у Института давно не было... со времён второго адронного коллайдера. Уже целых два телескопа загубили за последние полгода – рассыпались при старте системы симметрии двигателей первой ступени. Вчера по новостям слышал, что, если сегодня угробим третий Х-десятый, в ближайшие пять лет больше ООН не будет выделять дополнительных траншей. Институт и так уже перебрал все разумные лимиты на этот год – мол, уже сейчас на исследования уходит больше десяти процентов всего мирового валового продукта. Старик-основатель Владимир Фостер, кстати, так и бредил в конце жизни, что в начале XXII века на Земле коллапс настанет. Так точно настанет, если всё, как сейчас, у нас идти будет. Весь мир только на наши эксперименты и работает.

– Да и сынок Фостера, Александр, туда же пошёл... – поддержал беседу его товарищ. – Правильно его выкинули из Института – мы бы вместе с ним тоже все с ума посходили, распались на протоны с электронами вместе с его фотонным контуром. Чёртов профессор в ходе испытаний разнёс своей адской машиной чуть ли не треть всего Института! Хорошо, что защита выдержала...

– Да уж... Кстати, а ты слышал, что наша лаборатория по кодированию даёт названия животных всем космическим кораблям, запускаемым на орбиту с наших площадок. Даже цвета им присваивают. Я подглядел краем глаза – первые два неудачных запуска они назвали «Чёрный Скот» и «Серая Мурена». Пора такие пуски называть «Розовыми дикобразами».

– Смешной ты. Эх... Какая разница! Главное, чтобы дикобраз взлетел, а то мы так скоро все без работы останемся.

Их разговор прервал голос главного инженера смены запусков:

– Внимание! Все системы подключены! Прошу всех занять свои места и приготовиться к запуску!

Инженеры резко обернулись назад, в сторону центрального пульта, за которым стоял главный инженер Али Карами.

– Итак, – продолжал он, – это наша третья попытка. В этом году больше запусков не будет! – Он сделал многозначительную паузу; волнение в зале было очень сильным, но инженеры пытались не показывать этого. – Прошу всех отнестись к миссии с максимальной отдачей. Мы с вами запускаем не воздушные шарики, а груз весом более тысячи тонн! Так что прошу, когда надо, прикрыть уши от грохота при запуске четырёх основных двигателей первой ступени. – Карами оглядел весь зал, сделал глубокий вздох и добавил – Я почти никогда не говорю этого, но сейчас скажу: «Пусть нам повезёт!» Али закрыл глаза, и чувствовалось, как он пытается сосредоточиться и успокоить нервы. В зале воцарилась гробовая тишина, и стало слышно даже тихий гул кондиционеров.

Тем временем Максим Некрасов непонятно как, но пробрался в вентиляционную шахту. По воздушной трубе он дополз до места, которое находилось непосредственно под потолком помещения, где собрались все инженеры, и начал снимать всё происходящее на видео.

– Сдохните от зависти, «Космические новости»! Сенсационный репортаж из зала запусков уже через полчаса будет в эфире!

– Итак, удачи! Двигатели тяги! – начал командовать главный инженер по запускам. После каждого приказа он делал паузу, ожидая подтверждения ответственного инженера.

– Готовы!

– Отделяющиеся трапы!

– Готовы!

– Реакторы!

– Готовы!

– Система контроля управления!

– Готова!

– Два первых – зажигание!!!

Ракетноноситель на двигателях контролируемой ядерной реакции, разработанных ещё в середине прошлого века российским КБ «НПО Энергия», был размещён в километре от центра контроля, но при старте четырёх главных двигателей даже с этого расстояния раздался оглушительный грохот, заставивший инженеров прикрыть уши руками. Стоял совершенно ни с чем не сравнимый гул, подобный тому, который слышали участники Манхэттенского проекта по взрыву первой атомной бомбы в истории человечества – плутониевой «Тринити» в 1945 году.

– Ключ на отведение опор! – уже почти переходил на крик главный инженер. – Старт!!!

Ракетноноситель несколько секунд продолжал висеть в воздухе на расстоянии всего нескольких метров от стартовой площадки, как будто не желая покидать Землю. Ядерной реакции не хватало, чтобы поднять его.

Карамин начал нервно запускать на своём пульте какие-то команды, но видя, что это не помогает, опустившись в кресло, раздражённо прошептал:

– Всё... Конец карьере!

Но не успел он договорить фразу, как ракетноноситель начал резко подниматься вверх со скоростью примерно в пять раз большей, чем при старте установок на традиционном жидководородном топливе. Через несколько секунд с фантастическим ускорением объект взмыл в небо, и теперь можно было разглядеть только лишь пульсирующую точку, с огромной скоростью устремляющуюся в космос.

– Ура! Пошла, родимая! – раздался восторженный крик в зале.

– Ну надо же... – язвительно и раздосадовано прошептал зависший под потолком и жадно снимавший всё происходящее на видео Максим Некрасов, – взлетел! Теперь придётся другие сенсации искать!

Инженеры перевели экраны на видеорежим мониторинга полёта ракетноносителя с международной космической станции «Струве-5». Интегрированная станция уже много лет работала на базе пяти орбитальных модулей основных мировых держав планеты Земля – России, США, Бразилии, Индии и Китая. Многие европейские государства, устав от борьбы за скудеющие ресурсы и узрев в названии спутника Юпитера символический знак, совершили глобальное переселение на Европу.

– Центр управления! Видим объект-10. Приближается со скоростью 50 000 км/ч. Орбита – 10, 15, 20... Орбита – 25. Расчётная. Отделение двигательной части произведено успешно. Поздравляем, Центр! Наш новый X – 10 благополучно вышел на орбиту 25! Передаём точные координаты для телеметрии и подключения к системе контроля. Можете спускать старика «Хаббла» в Тихий океан! Пришло время ему отдохнуть от долгой космической службы.

Михаил Донской переключился на терминал управления автоматизированными космическими станциями. На экране появилось приглашение на вход системы безопасности. Введённый Михаилом компьютерный код поражал своей сложностью и длиной. Это была чудовищная комбинация из букв на различных языках, регистрах, с вкраплениями цифр и специальных

символов. Приняв код, компьютер моментально вывел на экран трёхмерное изображение системы контроля и телеметрии спутника. В самой нижней части экрана находилась командная строка. Курсор системы быстро моргал в ожидании. Михаил начал ввод команд на включение тормозных систем и снижения орбиты «Хаббла». Механическая часть телескопа стала изменять свою форму, включились обратные двигатели тяги, и «Хаббл», медленно снижаясь, начал терять высоту.

Это было печальное зрелище. При входе в плотные слои атмосферы огромная передняя часть конструкции телескопа начала гореть. За ним стал образовываться длинный хвост из вспыхнувшего газа и плавящихся металлических элементов. Телескоп начал вращаться сначала вокруг своей оси, а потом его движения приобрели и вовсе хаотический характер. Он лёг на траекторию снижения и затопления рядом с островом Фиджи в Тихом океане.

– Центр! Наблюдаем снижение «Хаббла»! Ну и зрелище! Это Фрэнк Уилсон со «Струве-5». Конец связи.

* * * ~ ~ * * *

В это время София принимала участие в торжественном мероприятии, посвящённом юбилею Института.

– Как вы уже знаете, последствия глобального потепления, а также произошедшей в 2080 году самой большой за последние десять тысяч лет вспышки на Солнце поставили нашу планету в тяжелейшие для выживания людей условия. Температура на экваторе планеты в среднем стала составлять около 70 градусов по Цельсию, что повлекло за собой массовую миграцию людей в северные и южные широты планеты. Большинство экваториальных государств почти прекратили своё существование. Однако наша научная организация смогла преодолеть этот вызов природы, сделав возможным как создание специальных установок охлаждения в поражённых зонах, так и переселение людей на другие планеты. После преодоления серьёзных политических и экономических потрясений население планеты Земля с 2012 года стало значительно увеличиваться и к 2050 году составило 12 миллиардов человек. Открытие нашими специалистами управляемости ядерных реакций позволило сконструировать новые типы двигателей космических аппаратов, способных всего за несколько часов достигать наших новых обитаемых планет – Марса, Венеры, спутника Юпитера Европы. Наши новые тепловые коллекторы, установленные на Меркурии, теперь способны снабдить все планеты необходимым количеством энергии для работы термоустановок, обеспечивающих условия для жизни людей. Новые города на обитаемых планетах построены по принципам бионики, что значительно сокращает расходы на энергию и является наиболее благоприятным для проживания людей. Таким образом, в юбилей нашего Института, отмечая пятидесятилетие его создания, смело можно констатировать: мы достигли колоссальных успехов. Все эти изобретения – это наши с вами заслуги, заслуги учёных всех стран мира, которые сегодня здесь, с нами, на территории нашего Научного планетарного института имени Фостера. Спасибо всем вам!

– Спасибо и вам! Это был наш блистательный во всех смыслах заместитель по научной работе София Фостер, – слово снова взял директор научного центра Дмитрий Лост. Он был довольно высок, большие очки с толстыми линзами делали его значительно старше, чем он был на самом деле. Именно таким ему и хотелось казаться – пост директора самого главного научного института планеты ко многому обязывал. В это время к трибуне подошёл его помощник и положил небольшую записку со срочным сообщением. Лицо Дмитрия радостно засияло от хороших новостей.

– Рад вам сообщить, что три часа назад наши коллеги из Центра управления полётами успешно запустили на орбиту сверхмощный телескоп X10-РКЛ52М, который откроет новую эру в области освоения Вселенной. Мы можем гордиться этим событием вдвойне, так как

работы по созданию и установке двигателей для него были произведены нашим Институтом. Поздравляем группу инженеров и их руководителя Софию Фостер с очередным успешным проектом!

Зал взорвался аплодисментами.

София подошла к трибуне и, сделав глубокий поклон, смущённо отошла в сторону и неторопливым шагом направилась к кулисам, скрывающим выход из зала. Смущение её можно было понять: ведь, будучи молодой девушкой, она пока так и не привыкла к подобным публичным мероприятиям. Мало кто мог поверить в то, что в свои двадцать пять лет она могла быть назначена на столь высокий пост, особенно после инцидента, произошедшего с её отцом, профессором квантовой физики, который, как считалось, завалил работу по созданию фотонного контура – главного проекта Института за последние годы.

Новые открытия и разработки в области управления ядерными реакциями позволили человечеству сделать большой скачок вперёд в развитии технологий энерговыделения и ракетостроения. Вот уже много десятилетий водородно-кислородные двигатели космических аппаратов были заменены на атомные. Дальнейшие исследования Института позволили создать и другие необходимые звенья летательных космических аппаратов. Одним из важнейших был генератор поля кабины, позволяющий сохранять приемлемые условия для жизни людей внутри корабля, перемещающегося на субсветовых скоростях. Но проблема достижения соседних галактик по-прежнему была неразрешимой для науки – ведь даже до ближайшей галактики, туманности Андромеды, и её четырёх галактик-спутников расстояние составляло не менее двух миллионов световых лет. Это означало, что даже корабли с термоядерными двигателями оказывались бесполезными. Для преодоления таких расстояний требовалось что-то совершенно новое – качественный технологический рывок. Многие учёные планеты в то время считали, что им как раз и должен стать фотонный контур, так как других идей о возможности межзвёздных перемещений в пространстве не существовало. Всем специалистам было очевидно, что со времён Эйнштейна и Менделеева цивилизация находится на пороге нового, судьбоносного открытия.

София вышла из конференц-зала в тот момент, когда директор Института завершал свою речь приглашением всех сотрудников, почётных гостей и представителей прессы на фуршет, где планировалось провести продолжение праздничного вечера. Двери зала распахнулись, и большое количество людей, оживлённо обсуждая торжественную часть юбилея, новости с космопорта и технические характеристики нового телескопа, заполнили огромный холл, где уже заранее были накрыты столы. На специально сооружённой сцене заиграл джазовый квартет. София ускорила шаг, но вовремя покинуть мероприятие оказалось невозможным. Каждый из её коллег почтительно улыбался и старался выразить своё восхищение, сделать комплимент или предложить бокал вина.

Первым подошёл Андрей Полянский из лаборатории исследования химических реакций.

– Отличный доклад, София! Вы, как всегда, очаровали всех и произнесли великолепную речь!

«Какой слащавый!» – подумала София, но, будучи воспитанной девушкой, сделав над собой усилие, она мило улыбнулась и произнесла:

– Спасибо, Андрей, конечно, но я не сказала ничего такого уж революционного.

– Напротив, напротив! Мы действительно все славно потрудились. И теперь приходит время также хорошо отдохнуть! Может быть, пройдемся на свежем воздухе?

– Я бы с радостью! Но...

– Ну что вы, София. Вы не можете всегда отказывать. Иногда же нужно и соглашаться...

– Да, я знаю, – улыбнулась София. – Обязательно прогуляемся. Но в другой раз. Хорошо?

– Эх... Что ж, ловлю вас на слове, – Андрей поднял бокал. – За успех!

Он сделал глоток вина, хитрым, каким-то масляным взглядом посмотрел на Софию и, с пафосом откланявшись, направился к коллегам.

София уже продвинулась ближе к выходу, когда путь ей неожиданно преградили новые молодые люди. Это были Антон Фёдоров и Владислав Речко.

– Антон! Владислав! – поздоровалась она. – Не знала, что вы будете здесь! Мне казалось, вы должны быть в командировке на Меркурии.

– Как видишь, уже успели вернуться! – произнёс Антон.

– Как там наши установки? В идеальном состоянии?

– Да, в полном порядке!

– Что ж, замечательно... – София тяжело вздохнула, показав, что разговор ей не очень интересен.

– А мы думали, вы останетесь и потанцуете!

– Сожалею, меня правда ждут дела, – отрезала София и снова стала продвигаться к выходу.

Она была холодна и непреступна, как каменная крепость. Сложно сказать, что именно ей не нравилось в молодых людях, которые оказывали ей знаки внимания и всячески пытались сблизиться с ней. Скорее всего, она просто не была готова к серьёзным отношениям. София чувствовала, что создана для кого-то более значительного, кому она могла бы отдать всю свою душу и сердце. А сердце её постоянно подавало различные сигналы: один был слишком высок, другой слишком весёлый и несобранный, третий слишком увлечён работой. Все эти «слишком» постоянно преследовали её, и она ничего не могла с собой поделать. Ещё ни разу в жизни она не была по-настоящему влюблена. В профессиональной сфере София была очень активной, ей всегда хотелось чего-то большего, чем простого обсуждения фактов на научных собраниях. Она, как и её отец, была настоящим, так редко встречающимся в науке практиком. Эту светловолосую обаятельную девушку никак нельзя было со стороны назвать учёным-ядерщиком, опередившим своё время. Любовь к данной области познаний ей привили отец и дед Владимир, который получил мировую известность благодаря своим открытиям, перевернувшим мир.

Уже в восьмом классе школы София экстерном сдала вступительные экзамены в научную школу при Институте, где некоторое время как раз и работал её отец. Однако прошлое Александра Фостера было весьма трагичным. После многочисленных провалов его экспериментов с фотонными излучателями он заработал среди коллег репутацию неудачника и был вынужден покинуть Институт. Его лаборатория была ликвидирована. И, тем не менее, даже потеряв работу, он не опустил рук. Теперь Александр практически всё время проводил на испытательном полигоне. Создание фотонных излучателей заменило для него все остальные интересы в жизни. Семья Фостеров была далеко не бедной, и накопленный капитал позволял ему заниматься собственными разработками. Прадедушка Софии был известным в нефтяных кругах предпринимателем и возглавлял свою компанию до конца нефтяной эры 2050 годов. Но с тех пор, как Научный институт внедрил двигатели на основе безопасной управляемой ядерной реакции, двигатели на сероводороде уже практически перестали использоваться и добыча нефти потеряла смысл.

В жизни Софии был и другой важный мужчина – самый близкий друг Алексей Штурм. После того как в первых полётах на Меркурий погибли его отец и мать, родители Софии решили взять мальчика, оставшегося сиротой, к себе. Алексей и София росли вместе, разделяя общие интересы: София делилась с ним знаниями в научных областях, Алексей же учил её спортивному мастерству, и они частенько тренировались вместе в зале поединков.

Любимым видом спорта «Мастера Алексея», как часто называли его последователи и друзья, был древний японский вид боевых искусств XVI века – кендо, редкий, едва сохранившийся вид восточных единоборств с применением режущего холодного оружия.

Уже с двенадцати лет он серьёзно занимался изучением техники и приёмов кендо, много раз был в Японии и даже сконструировал с помощью знакомого кузнеца четыре катаны из двенадцатислойного особого сплава тамахаганэ своими собственными руками. Две катаны он оставил себе, одну подарил Софии и одну – своему другу Виктору Бергу, с которым они тоже иногда спаринговались. В детстве Алексей мечтал стать вторым Мусаси, который, как известно, был одним из самых знаменитых самураев древности, одержавшим победу в первом поединке, как и сам Алексей, в возрасте двенадцати лет.

Алексей не только практиковался в боевом искусстве, но и серьёзно занимался психологической подготовкой. Одним из самых главных моментов в технике ведения боя было выведение противника из душевного равновесия и нарушение его уверенности в собственных силах даже простым взглядом или жестом. Он понимал, что в бою наряду с безукоризненной техникой владения катаной не менее важны факторы психологической готовности. Знал, что необходимо всегда сохранять сопротивление психологическому натиску, хладнокровие и спокойствие духа. Достижение этих состояний на девяносто процентов обеспечивало победу и в схватке с несколькими противниками, даже если они нападали с разных сторон.

Алексей многократно выигрывал бои против трёх и даже пяти противников. Он проводил много показательных выступлений и способствовал популяризации кендо на всей планете. Он также разработал и свою тактику нападения какари, позволившую ему выиграть без поражения более сотни поединков. С изобретением Институтом новых полей безопасных виртуально-контактных взаимодействий кендо получило дополнительную популярность среди молодых людей и даже девушек.

Со времён XVI века многое изменилось и в самих боях. Умение владеть настоящим мечом в древней Японии проверялось не в поединках, а в специальных упражнениях тамэси-гири, в которых спортсмены рубили обычно толстые снопы с соломой. В XXII веке бои снова начали проводиться с реальными железными катанами. Только спортсмены надевали теперь специальные костюмы, и поединки проводились в помещениях, в которых воздействие острых металлических предметов на организм человека можно было изменять таким образом, что тело человека переставало травмироваться при соприкосновении с реальным холодным оружием. На соревнованиях засчитывались лишь очки, полученные противниками в ходе поединка. Главным конструктивным элементом помещений для боёв стал разработанный Институтом «регулятор подавления», способный как уменьшать, так и увеличивать силу воздействия ударов колющих и режущих предметов на организм человека. Перед началом каждого такого поединка специальные судьи особо контролировали настройки регулятора, так как от этого зависела жизнь соревнующихся.

В реальных условиях земной атмосферы, конечно же, бои на катанах были по-прежнему запрещены, а катаны считались самым опасным видом холодного оружия.

София села в свой звездолёт, включила видеотранслятор и перевела машину в режим автоматического управления. Она часто пользовалась автоматическим режимом, когда уставала. Видеотранслятор включился на программе 1212 канала, по которому шла передача об истории космической эры со времён первого запуска ракет в 40-х годах прошлого века:

– «...таким образом, Венера стала обитаемой при помощи новой установки охлаждения планеты под названием СМВ-1281М, разработанной Институтом. Аналогичная установка также была создана и на Марсе. Только с обратной силой нагнетания – нагреванием. Температура на поверхности Марса до работ Института составляла –100 градусов, на Венере – более +400. После запуска установок состав и температура атмосферы стали максимально приближены к земным. Также Институт успешно провёл работы по нагреванию и осушению Европы, спутника Юпитера. Конец XXI века стал поистине революционным в развитии Солнечной системы. Проблема перенаселения была решена. Многие жители обитаемых планет начали задумываться об ознакомительных полётах к краю Солнечной системы. Туристические корпо-

рации стали предлагать бронирование билетов на новый, создаваемый Международным Агентством по Космическому Туризму рейс «Земля – Марс – Европа – Плутон». Стоимость билета вполне доступна – около ста солнечных кредитов, что составляет не более средней заработной платы за месяц на обитаемых планетах. Только этот полёт не будет лёгким для путешественников. Путешествие на субсветовых скоростях до конца нашей звёздной системы занимает много часов».

– Да уж, велика история Института, а выбраться за пределы Солнечной системы так и не можем, – вздыхая, заговорила София то ли сама с собой, то ли специально перебивая ведущую программы, которая сообщала и так уже давно известные ей факты.

Подлетев к фамильному особняку, София остановила двигатели, вышла из корабля и переступила порог дома. При входе она, как обычно, споткнулась о какой-то очередной прибор, оставленный отцом на полу. Большой особняк, в котором они жили, был, как и любой дом учёных, заполнен приборами, материалами, разбросанными листками и записками. Уже много лет назад она перестала бороться с этим «творческим» беспорядком, так как понимала, что, сколько бы она не расставляла вещи по местам, отец всё равно сделает всё по-своему. На стенах почти во всех комнатах висели портреты великих учёных и конструкторов планеты: Эйнштейна, Менделеева, Дарвина, Максвелла, Кюри, Коперника, Тесла, Оппенгеймера, Попова. Её отец боготворил их, для него они были почти богами, указывающими истинный путь развития человечества.

– Отец! – прокричала София.

Ответа не последовало. София решила выйти из дома и направилась на созданный отцом импровизированный космопорт, находившийся рядом с ангаром и тестовой площадкой, где Александр Фостер проводил свои исследования.

Особой страстью для отца, а в последнее время и для Алексея, несмотря на все протесты Софии, по-прежнему оставалась работа над фотонным контуром. Александр твёрдо двигался к этой цели, и провальный опыт 2095 года, который привёл к разрушению части научного здания, а также мораторий, наложенный на его работы Гражданской администрацией и дирекцией Института, не изменил его намерений возобновить эксперименты. София тоже потеряла веру в возможность создания контура, но каждый раз, когда разговор о нём заходил при отце, старалась сменить тему, чтобы не расстраивать его и не доводить разговор до очередного скандала на повышенных тонах. Похоже, единственным человеком, верившим в возможность создания фотонного контура, был Алексей.

– Отец! Лёша! Кто-нибудь есть? – снова прокричала она, но ответа так и не последовало.

* * * ~ ~ * * *

София нашла отца в его лаборатории. Это была двухэтажная бетонная постройка из сверхпрочных металлоконструкций, усиленная особым полимерным покрытием. Лучи света пробирались внутрь сквозь два миниатюрных окна. На пологой крыше было закреплено несколько пластин солнечных батарей, снабжающих электричеством находящиеся в лаборатории электронные приборы. На самой высокой точке строения возвышалась десятиметровая мачта из оцинкованной низколегированной стали.

Александр сидел за документами. Его правая рука плотно сжимала почти полностью исписанный карандаш, а левой он подкручивал неизвестный ей прибор цилиндрической формы. Профессор сидел немного сгорбившись. Рукава белой рубашки выступали из коричневой жилетки на пуговицах, которые носили ещё в начале прошлого века. Он почти не следил за собой, и в последнее время у него отросли небольшие усы, борода и бакенбарды. Длинные, наполовину седые волосы свисали вниз, едва касаясь плеч.

Практически всю правую сторону стены комнаты занимал массивный шкаф, полки которого были заставлены колбами и мензурками, реактивами и различными деталями от электро-механических приборов, тестерами и детекторами. Там же стояла старая стереосистема, которую вот уже как пятьдесят лет сняли с производства. Последние десятилетия все источники видео- и звукового сигнала перевели на сверхкомпактные чипы памяти. Институт гордился своим изобретением 2090 года – первым в мире флэш-носителем ёмкостью 100 йоттабайтов, что составляло фантастические 10 миллиардов терабайт.

Увидев Софию, Александр повернулся на своём стуле.

– Отец! Ты снова проводил опыты сегодня утром? Когда же ты, наконец, дашь мне поспать?

Александр невольно улыбнулся.

– Что, я разбудил мою соню? Вообще-то было уже двенадцать часов! Не слишком ли много спим? Мы – научные работники, наше дело – великие открытия!

– Да-да, папа, «которые перевернут жизнь человека и позволят ему преодолеть неразрешимые до этого трудности. Сон для нас непозволительная роскошь», – продолжила она его дежурную фразу. – Если бы мне давали по одному солнечному кредиту каждый раз, когда я это слышу! На работе, дома – везде меня окружают одни учёные, и у каждого свои любимые заученные выражения!

В этот момент в комнату вошёл Алексей и живо поддержал разговор:

– Нет, что ты, не одни учёные. Есть ещё сумасшедшие любители, а не профессионалы науки.

– О! Ещё один великий практик! Иногда я так жалею, что мамы нет рядом. Управляться с одним зацикленным теоретиком и одним чокнутым практиком так нелегко одной бедной и несчастной девушке... – она язвительно улыбнулась.

– Только не надо нам рассказывать про свою бедность! С таким дедом, какой был у тебя, бедность тебе не грозит ещё очень долгое время.

София тоже не смогла удержаться и не съязвить.

– Как говорил ещё Альберт Эйнштейн, всё в мире относительно. В данном случае относительно того, как быстро вы будете тратить всё накопленное. Хотелось бы напомнить, что на эти здоровенные «железные столбы» ушло целых двадц...

– Ой, давай не будем об этом, – раздражённо перебил её Александр. – На протяжении всей истории человечества фундаментальная наука всегда была очень затратной. Знала бы ты, во сколько в пересчёте на сегодняшние деньги обходились двигатели для Р7 Королёва, а для ракеты Н1 вообще был...

София перебила его:

– Отец! Я думаю, мы поняли друг друга! Я пойду, отдохну после работы и приму горячую ванну. И пожалуйста, – она посмотрела на них проницательным взглядом, поджав губы, – постарайтесь в ближайшие двенадцать часов больше ничего не взрывать и ничего никуда не перемещать! – Она развернулась и, не дожидаясь ответа, пошла в сторону особняка.

Мужчины по-заговорщицки посмотрели друг на друга и улыбнулись.

– Лёш! Завтра нам будет нужно заняться криокамерой! Ты не забыл подготовить компоненты?

– Нет, профессор! Только я никак не могу взять в толк, зачем она может нам понадобиться?

– Для работы фотонного контура необходимо огромное количество энергии. Её не получить из электрической розетки, – рассмеялся Александр Фостер. – Нам нужен обогащённый ядерный материал.

– Но при чём здесь криокамера?

– При том, что после подготовки материала его свойства перестанут быть стабильными. В этом и состояло открытие моего отца. Обогатив изотоп, нам нужно будет содержать его в криокамере при сверхнизких температурах. Он будет поступать в реактор контура всего за несколько секунд до его использования.

– Но ведь это очень опасно, профессор! А если что-то ещё попадёт в этот контейнер с ядерным элементом и поступит в реактор?

– Лучше даже не думать об этом. Думаю, будет вторая Тунгуска.

Александр подошёл к небольшому аквариуму, в котором жил его единственный питомец – черепаха Копуша. Александр облокотился на стенки аквариума и стал кормить её. Эта процедура его очень расслабляла. Иногда, когда он был один, он даже разговаривал с ней.

По дороге от лаборатории к особняку Софией овладели грустные мысли.

Она уже так устала от постоянных разговоров о возможностях фотонного контура, о спасении человечества от скорой гибели, что иногда ей просто хотелось уволиться из Института и отправиться на Венеру к маме: как в детстве, уткнуться в её мягкое, пахнущее цветочным ароматом плечо, ощутить тёплое прикосновение ласковых рук и предаться девичьим мечтаниям.

В глубине души ей хотелось жить в середине XIX века, когда человечество существовало в промежутке между войнами, а новые исследования не несли судьбоносного характера и не обещали спасти мир от неминуемой гибели; когда никто ещё не разрабатывал ракет, способных перелетать через континент и уничтожать целые государства; когда никто ещё не расщеплял атом, чтобы создать бомбу невероятной силы, способную убить миллионы людей. Ей так хотелось в прошлое, в котором детей не отправляли в школу в четыре года, где с двенадцати лет им не преподавали основы квантовой физики и ядерного синтеза... Но, к сожалению, София жила в своём 2101 году, где всё было именно так.

Она зашла в дом. Справа от входа висели дипломы, портреты и медали семьи Фостеров. Свою первую медаль София получила уже в четырнадцать лет. К двадцати годам она стала заведующей лабораторией, а в двадцать четыре назначена заместителем директора Института. Здесь же были её награды за изобретение системы синхронизации работы нескольких термоядерных двигателей.

Чуть дальше, на кухне, София увидела разбросанные повсюду небольшие обрывки бумаги. Все они были исписаны непонятными на первый взгляд названиями и числами – «Уорденклиф», Long Island, 40. 48. 29. N, 73. 16. 39 W, Эшнунна (Телль-Асмар) – 33.45. N 44.45 W, Palenque (17.28.59.84. с. ш. 92.02.58.53), Теночтитлан 19.25.10 N 99.08.44 W

«Похоже, отец за время моего отпуска успел побывать в колыбелях великих открытий человечества – лаборатории Тесла в Америке, шумерских раскопках в Ираке, таинственном, хранящем неразгаданные секреты городе майя в Мексике. Вот неутомимый! Эта его идея о связи достижений древних цивилизаций и его открытий когда-нибудь убьёт его и всю нашу Землю вместе с ним. Но что можно поделать со слепо верящим в свою идею человеком... – с грустью подумала она... – особенно когда он твой отец».

* * * ~ ~ * * *

Солнце медленно опустилось за горизонт, оставив после себя только небольшую красную полоску. Влажный воздух был наполнен дыханием свежести, но ближе к вечеру подул северный ветер и появилась изморозь. Алексей очень любил такую погоду. Моросящий дождик давал приятную влагу и прохладу, которая была так необходима после жаркого дня. Он любил говорить, что такая погода остужала его горячий темперамент. Алексей поднял голову высоко вверх и посмотрел на тёмно-голубое небо. К сожалению, набежавшие тучи скрыли всю прелесть свечения звёздного небосвода. Крошечные капельки дождя падали ему на лицо, расслабляя его. В такие вечера ему всегда хотелось думать о вечном. Он шёл вперёд, всё дальше отдаляясь от

особняка. Появившийся из-за ангара, где стояли их летательные аппараты, объект быстро рассеял его задумчивость своей величественностью, загадочностью и одновременно ощущением исходящей опасности.

Алексей подошёл достаточно близко к огромным, если не сказать сверхгигантским, колоннам фотонного контура. Никогда ранее он не видел подобной громадной технической установки. Колонны стояли очень далеко друг от друга и были такими высокими, что между ними свободно мог пролететь целый космический корабль. Он подходил всё ближе к правому столбу. Уже можно было почти дотянуться до него рукой, но Алексей не стал этого делать, так как на столбе, кроме массивной таблички с цифрой «1», была и другая. Он знал значение этого символа с раннего детства.

Это была табличка с обозначением четырёх пересекающихся кругов, и от одного только вида этого знака у всех людей на планете пропадало желание подходить ближе, тем более прикасаться рукой к подобным объектам. Символ обозначал самопроизвольную фотонную активность. Алексей медленно обошёл колонну и, посмотрев вниз, с удивлением обнаружил, что площадка, на которой находился постамент с контуром, была сделана из ровно обработанных каменных глыб. «Откуда только профессор смог привезти такое огромное количество горной породы?» Центральная часть этого постамента напоминала ему изображения на картинках, которые показывали на уроках истории древних цивилизаций.

Проходя мимо одной из колонн, Алексей обратил внимание на необычный материал её внутренней части. Скорее всего, судя по специфическим смоляно-чёрным со слабым зелено-коричневым оттенком, материал был похож на сплав легированного урановой смоляной рудой никеля.

С внутренней стороны обеих колонн, направленных друг к другу, были выступы, в которых находилось большое количество оборудования. Эта часть даже ещё не активированной установки светилась тонкой ярко-голубой полоской вплоть до самой верхней части.

С внешней стороны каждой колонны располагалась развязка из кабелей различного диаметра, спускающихся вниз, под платформу, где находился огромный контейнер с невероятной величины колесом на входной двери, таким, какое бывает на люках подводных лодок. Под установкой также находилась дюжина компьютеров, за каждым из которых скрывались сотни различных медных проводов. Множество кабелей уходило отсюда к огромному, длиной в несколько метров, столу, за которым обычно работал профессор.

Алексей решил подойти поближе к контейнеру, чтобы разглядеть его, но резкий голос заставил его прекратить движение.

– На твоём месте я бы не стал приближаться!

Это был профессор Фостер, который стоял в голубом антифотонном костюме в трёх метрах позади него.

– Если ты, конечно же, не хочешь получить передозировку фотонами и умереть через несколько часов.

– Профессор! Вы испугали меня! – Алексей узнал голос и обернулся. – Вы хотите сказать, что в контейнере ядерное топливо?

– Совершенно верно, там урановые изотопы 233 и 235. Думаю, ты понимаешь, что это одни из самых опасных веществ на планете, – Александр говорил очень спокойно, как будто они обсуждали тему о полезности мягких игрушек для развития детей дошкольного возраста.

– Уран? У нас, здесь? Вы шутите? Откуда у вас такое количество? Вы хотите устроить нам новые Хиросиму и Нагасаки?

– Как я тебе говорил, на обычных материалах контур работать не может. Нужно слишком много энергии. У меня сохранились старые запасы со времён работы в Институте, – Александр хитро улыбнулся, – только боюсь, здесь не так много, как тебе кажется. Мои последние экспе-

рименты показывают, что для одного перемещения требуется не менее килограмма изотопа. А эти запасы – всё, что у нас есть. И, кажется, вчера я очень сильно продвинулся в эксперименте.

– Вы хотите сказать, что появилась долгожданная зацепка? Переносимая масса оказалась меньше по правой стороне? – Алексей посмотрел на включённые дисплеи, на которые Александр обычно выводил результаты экспериментов для дальнейшей распечатки.

– К сожалению, потом что-то пошло не так, и масса начала восстанавливаться. Видимо, я допустил ошибку в цепочке установления координат второй стороны тоннеля. Я пока не могу понять, какую именно. Давай я покажу тебе кое-что.

Они отошли от контейнера, расположенного чуть ниже платформы контура, и направились к контрольному столу. Так профессор называл место, где находилось диагностическое оборудование.

Чуть правее стоял большой принтер, на который выводились все данные в ходе эксперимента. Основными показателями, изображёнными на цветных диаграммах, были данные, считываемые с левой и правой сторон фотонного контура. Как только масса проходящего через контур вещества оказывалась меньше или отсутствовала вовсе, первую часть эксперимента можно было бы считать успешной. Это означало бы, что масса переместилась в другую точку космического пространства. Но до сегодняшнего дня им так и не удавалось получить стабильную разницу в значениях.

– Посмотри на последнюю распечатку. Я отправил её на принтер.

– Фантастика, профессор! Итак, перемещаемый предмет – шар для боулинга, масса до перемещения семь кг, после перемещения – три и пять десятых кг, – громко и не скрывая своего удивления, прокричал Алексей. – Это же успех!

– Нет, Алексей, есть ещё пока непреодолимая проблема. Вторая сторона тоннеля... – Он задумался и сосредоточенно посмотрел куда-то за горизонт. – Мы должны очень точно указать, где она открывается, так как с другой стороны может быть все, что угодно, и мы никогда не узнаем, что там, пока не переместимся. Ни один телескоп в мире не сможет никогда разглядеть, что происходит за миллиарды километров. Это может быть и открытый космос, и плотные слои атмосферы других планет, и даже ядро звезды. Одно дело – отправлять шар для боулинга, и совсем другое – космический корабль, тем более с живым существом на борту. Для перемещений сквозь пространство через фотонный контур нам жизненно необходимы координаты, которые мы будем вводить. Именно они позволят открыть тоннель туда, где будет безопасно. Кроме того, мы не можем держать тоннель в постоянной активности.

– А почему нельзя открыть тоннель, переместиться и, оставив его открытым, потом вернуться в него же?

– Я вижу, у тебя всё ещё недостаточно знаний о природе Вселенной. На это есть как минимум две причины. Во-первых, для того, чтобы постоянно держать тоннель открытым, нужно очень большое количество энергии, а мы не можем быть настолько расточительными к имеющимся у нас запасам ядерного вещества. А во-вторых, – профессор погрузился, его лицо явно было окутано печалью, и он медленно продолжил, смотря прямо в глаза Алексею, – открыв тоннель где-то в другой стороне галактики, мы делаем эти два мира постоянно взаимосвязанными.

– Я не понимаю, профессор, что произойдёт после открытия тоннеля? О каких опасностях вы говорите? Скорее всего, там просто ничего нет. Космос!

– То, что уже произошло со мной вчера. Как я и думал, открытие тоннеля может привести к катастрофическим последствиям: любые субстанции, находящиеся с другой стороны тоннеля, могут проникнуть в наш мир точно также, как и мы в их. Поэтому мы должны отложить попытки полётов в контур до тех пор, пока всё основательно не протестируем.

– А что может произойти, профессор, если вторая сторона контура будет открыта рядом с телом, подобным Солнцу или даже внутри него? Что произойдёт с шаром для боулинга тогда?

– Ты, видимо, шутишь, – Александр ещё ближе подошёл к Алексею и, наклонившись к нему, продолжил, – он просто не сможет преодолеть пределов контура, он моментально сгорит в этой раскалённой массе. Но это будет ещё не самое страшное. Произойдёт ужасная катастрофа. Сначала эта раскалённая масса другого тела будет прорываться через контур в нашу сторону тоннеля, всё сильнее и сильнее, пока полностью не разрушит колонны контура и установка не отключится. Если же раскалённая плазма достигнет контейнера с ураном, то на территории ближайших ста километров в течение нескольких секунд все формы жизни будут полностью уничтожены колоссальной термоядерной взрывной реакцией, – он покачал головой и немного поджал губы. – Это будет вторая Подкаменная Тунгуска 1908 года.

Алексей вопросительно посмотрел на профессора.

– Разве сейчас в школах на курсе «Форс-мажоры в науке» уже не рассказывают об этой истории? А, может, намеренно умалчивают? Так вот, послушай тогда. 17 июня 1908 года на территории сибирской части России той поры в районе реки Подкаменная Тунгуска произошёл взрыв колоссальной силы – более чем 10 мегатонн. Это сила мощной водородной бомбы. Но мало кто знает, что в те времена на этом месте располагалась первая российская имперская военная база по изучению примерно тех же явлений, что сейчас исследуем мы. Это была первая и последняя лаборатория до революции 1917 года. Взрыв был так силен, что уничтожил территорию более чем в 2000 квадратных километров. Царской «охранке» даже не пришлось замечать следы. Всё, что там было, включая оборудование, людей и даже огнеупорные шкафы с документацией, было уничтожено. Чудовищное зрелище. Потом, для отвода глаз, военные придумали эту идею с упавшим метеоритом.

Он снова промолчал и продолжил:

– Я не хочу повторения той истории. Нам необходимо более точное позиционирование, иначе эксперименты могут быть не только бесполезными, но и катастрофически опасными. Я должен найти способ сделать путешествия в другие галактики через тоннель безопасными для планеты. Для этого нам нужна... – он снова задумался, – ...нам нужна полная и точнейшая карта, вся информация, всё, что только есть во Вселенной: расстояния до всех объектов, их размеры, координаты чёрных дыр, звёзд, планет, даже перемещающихся комет, и их скорости.

Александр сел за стол и в отчаянии наклонил голову.

– Но откуда может взяться такая карта? Даже самый прогрессивный телескоп «Хаббл», находящийся на орбите Земли, не может построить этой карты. Даже ему не хватит разрешающей способности.

Вдруг в глазах Алексея зажглась искра.

– Десятый, профессор, – прошептал он.

Александр поднял голову и посмотрел на него с непониманием.

– Новый X-десятый – вот что нам нужно! Разве вы не знаете, что недавно с космодрома Института был запущен новый космический телескоп на замену устаревшему «Хаббл»у. Его разрешающая способность в тысячи раз больше, и он полностью компьютеризирован, то есть способен создать подобную карту, если уже не создал её!

– Да! Вот оно! – восторженно вскрикнул Александр. – Мы получим эти координаты, я перепишу их на чип и интегрирую с сервером контура! Это и будет ключевой логической составляющей, которой не было ни в 1908 году, ни в начале 2011 в Швейцарии.

– Только вот есть одна небольшая проблема, профессор: спутник запущался в интересах военных, и коды наверняка засекречены...

Александр не дал ему закончить. Он был потрясён этой идеей, как маленький ребёнок – новой игрушкой. Он был категоричен.

– Мы взломаем защиту!

Александр снова сел за компьютерный стол и включил ноутбук.

Алексей, не успевший закрыть рот после оборванной профессором фразы, так и застыл, как будто окаменев.

– Да, и ещё, Алексей, – профессор никак не мог остановиться, – подумай, пожалуйста, кто бы мог нам сконструировать настоящие боевые космические корабли, ведь на наших таратайках даже до Юпитера не долететь! А нам нужно как минимум два корабля.

* * * ~ ~ * * *

Утомившись за день, Алексей решил съездить в клуб, находящийся в 15 минутах полёта. Это было популярное место, где обычно собиралось большое количество совершенно разных людей. Клуб представлял собой большой развлекательный комплекс, где можно было найти занятие на любой вкус: поиграть в бильярд и боулинг, потанцевать, посидеть в шумной компании. Был здесь и зал для кендо с такой же установкой, которая была в имении Фостеров. Обычно как раз в ней собиралось большинство молодых людей. Но сегодня Алексей был не в настроении показывать мальчишкам новые приёмы защиты и нападения. Ему просто хотелось тихо посидеть в спокойной обстановке, в кругу друзей. Когда он вошёл в зал, его сразу заметил школьный друг – Джон Маккой. Его тёмные длинные волосы и небрежно проступающая щетина старили его на несколько лет. Но самой запоминающейся деталью его облика были, конечно же, редкие для мужчины глаза зелёного цвета.

– Привет, старина, – прокричал он вошедшему Алексею.

– Привет, Джон! Как обстановка?

– Спокойно сегодня! Вчера вот двое наших задиристых репортёров закатили шоу!

– И снова не хотят оплачивать ущерб?

– Как водится... Хорошо, что хоть на этот раз не разбили ничего дорогого, – он посмотрел Алексею в глаза. – Какой-то ты уставший сегодня.

– От тебя, как обычно, ничего не скроешь.

– Причина?

– Сам не знаю. Не получается ничего сегодня.

– Надо быть более собранным, Лёша! Вот у меня всегда всё получается, как я хочу, – вступила в разговор Юлия, старая знакомая Алексея.

Она подошла к нему и обняла его так, как обнимают девушки, которые «положили глаз» на молодого человека. Они действительно встречались. Правда, нельзя было сказать, что отношения были сказочными и идеальными. Алексей не мог разобраться в своих чувствах. Иногда ему казалось, что Юлия – идеальная девушка, иногда – что их отношения уже зашли в тупик и наступила фаза пресыщения, из которой нет выхода. Но в этот вечер у него не было сил для ссоры.

– Привет, Юль! Рад видеть тебя, – после небольшой паузы буркнул Алексей.

– Не очень-то похоже, что рад...

– С чего ты взяла?

– Ну, не знаю... Не выглядишь ты радостным!

– Просто тяжёлый день, – вздохнул Алексей и попросил Джона принести ему немного красного вина.

– Знаешь, надо заканчивать быть человеком настроения! – заключила Юлия и высокомерно подняла голову.

Джон принёс Алексею бутылку вина и присоединился к беседе.

– Юль! Ну что ты прицепилась к человеку, бывают разные дни. Все мы меняемся – бывает белая полоса, бывает чёрная. В своём развитии человек проходит много этапов совершенствования. Наверное, было бы здорово, если бы в Институте придумали ещё и прибор регулирования настроения.

– Нет уж, хватит, – сказал Алексей, – достаточно того, что нам при рождении теперь внедряют автоматические перекодировщики языков.

– Да ладно, чего ты ополчился на новинки в области генетики? По-моему, это не такая уж и плохая штука. Как бы мы все сейчас общались? Юлия из Польши, я из Шотландии. Глобализация смела всё: границы и языковые барьеры. Теперь у нас настоящая свобода выбора места жительства и работы. Не знаю почему, но мне здесь у вас, в России, нравится. Надоест – поеду завтра же к себе домой. С нашими кораблями сейчас это совсем просто стало.

– В этом ты прав. Без перекодировщиков было бы сложновато общаться. Это действительно одно из самых великих достижений Института.

Юлия села рядом с Алексеем, и он налил вина в три бокала.

– Что ж! Давайте выпьем за то, чтобы белых полос у нас было побольше! – произнёс тост Алексей.

– Будем здоровы! – сказали Юлия и Джон в один голос.

На поясе у Алексея была прикреплена катана, и Юлия заметила её.

– Зачем ты носишь эти ножики с собой, Лёш?

– Это не ножик. Это самурайский меч! Я тебе уже тысячу раз говорил об этом, Юль!

– Да знаю, знаю, но для меня все они одинаковы! Не люблю оружие.

– Думал, покажу пару приёмов мальчишкам. Но что-то настроение сегодня поганое.

– Хватит киснуть! Что случилось-то? Всё эти ваши загадочные эксперименты с Фостером?

– И с ними тоже. Не получается ничего пока, – прибавил Алексей.

– Всё пытаетесь попасть в ваши параллельные Вселенные?

– Юля! Ты слишком много смотришь сериалов, – раздражённо воскликнул Алексей, – никаких параллельных Вселенных нет. Вселенная одна, и она уникальна. Ты всё время воспринимаешь астрономию как какую-то недоступную для понимания человека науку, а в ней на самом деле нет ничего сложного.

– Ну, так расскажи нам, что это за мир, в котором мы живём! – немного обиженно ответила Юлия, – не все же такие умные, как ты.

Алексей любил, когда к его мнению и рассказам прислушиваются, и начал быстрое повествование, основанное на материалах, которые периодически ему передавал профессор.

– Вселенная – это не какое-нибудь божественное, фантастическое или магическое образование. Она состоит из огромного количества галактик, которые в свою очередь, представляют собой большие системы из звёзд, межзвёздного газа, пыли, связанные силами гравитационного взаимодействия. Обычно галактики содержат от десяти миллионов до нескольких триллионов звёзд, вращающихся вокруг общего центра гравитации. Кроме отдельных звёзд и разреженной межзвёздной среды большая часть галактик содержит множество звёздных систем, звёздных скоплений и различных туманностей. Как правило, диаметр галактик составляет от нескольких тысяч до нескольких сотен тысяч световых лет, а расстояния между ними исчисляются миллионами световых лет. Именно из-за таких гигантских расстояний человек пока так и не может решить задачу перемещения между звёздами и галактиками. Возможно, строение Вселенной имеет такую особенность именно потому, что не хочет, чтобы мы сумели разгадать её тайны. Есть во Вселенной и опасные для перемещений точки – это чёрные дыры. На сегодняшний день уже очевидно, что в центре каждой галактики находится чёрная дыра невероятной мощности, сила гравитации которой заставляет вращать вокруг себя целые звёздные системы.

Межгалактическое и межзвёздное пространство – место, где нет звёздных систем, – является практически чистым вакуумом со средней плотностью менее одного атома вещества на кубический метр. Это означает, что перевалочный пункт в космических путешествиях сде-

лать просто негде. Необходимо перемещаться только туда, где есть хотя бы какая-то звёздная система, иначе так и останешься в пустоте.

– Так и что же у вас не получается? Вы же такие умные и всё знаете, – язвительно заметила Юлия.

Вдруг из глубины зала послышался насмешливый голос. Это был репортёр Леонид, который уже много лет недолюбливал семью Фостеров.

– Потому что с неудачниками поведёшься – таким и сам станешь!

Алексей услышал сказанное и закусил губу; мышцы на его лице передёрнулись, он постарался не подать вида и продолжал общение с Юлией и Джоном. Однако Леонид не унимался и специально повысил голос, чтобы его могли услышать все:

– Фостеры – отбросы! Их достижения – уже пережитки прошлого!

Эти фразы Алексей уже не мог пропустить мимо ушей. Он посмотрел на Леонида и выкрикнул:

– Я, кажется, уже говорил вам, Леонид, что отзываться о другой семье в столь нелестных выражениях – это как минимум бестактно!

– А мне плевать! Всё равно рехнувшийся Фостер – неудачник, – Леонид был немного пьян.

Джон попытался остановить Алексея.

– Лёш! Спокойно! Не кипятись! Ты же знаешь Кузнецова! «Космические известия» уже давно стали жёлтой прессой!

Но было поздно. Алексей уже встал и оттолкнул стул ногой.

– Я требую, чтобы вы извинились, Леонид, – закричал Алексей.

Леонид тоже вышел из-за стола и направился к Алексею. Юлия поняла, что сейчас ситуация выйдет из-под контроля, и попыталась встать между ними. Но Леонид резким движением оттолкнул её. Завязалась драка. Джон тоже пытался разнять их, но ему это также не удавалось. Леонид дотянулся до ножен Алексея и вытащил катану. Он стоял буквально в двух метрах от него с оголённым мечом. Но по тому, как он держал катану, Алексей понял, что управляться с ней тот совершенно не умеет. Алексей сделал провоцирующий выпад, и Леонид попытался замахнуться и ударить его режущим движением. В этот момент Алексей перехватил у Леонида катану и повалил его на пол.

– Я сдаюсь! Сдаюсь! – почувствовав холодный клинок у своего горла, закричал Леонид.

– Хватит! – на весь зал закричала Юлия. Джон тоже взял Алексея за руку с мечом и медленно попытался отвести её от шеи Леонида. Алексей был в ярости, он не мог переносить хамства. Его дыхание участилось, а сердце было готово выскочить наружу. И всё же он нашёл в себе силы опустить оружие и успокоиться.

– Чтобы я больше не слышал подобных фраз о Фостерах! Ты меня понял? – он отпустил Леонида, и тот выбежал из зала.

* * * ~ ~ * * *

На следующий день Александр решил навестить в Институте своего старого приятеля и коллегу по работам над фотонным контуром – Владимира Баррета, с которым его связывали многолетняя дружба и совместная работа над проектами. После их неудавшихся экспериментов Владимира не уволили из Института, но перевели в другую лабораторию.

Институт представлял собой огромное многокорпусное здание в серых тонах. По разным крыльям Института были разбросаны различные лаборатории, занимающиеся разнородными научными разработками. Корпуса состояли из необычных строений – можно даже сказать, что это были целые районы. Многие учёные жили прямо там, располагаясь на верхних этажах, а некоторые и вовсе никогда в жизни не покидали территории Института. Здесь было для жизни

всё: магазины, увеселительные заведения, гостиницы, даже собственные предприятия для производства продуктов питания. Александр подлетел к комплексу зданий своей бывшей лаборатории. Он не числился штатным сотрудником, но из-за больших заслуг его семьи служба охраны не аннулировала его доступ на территорию. Он прошёл через проходную и поднялся на этаж, где раньше располагалась его лаборатория. Войдя, он увидел своего старого друга, обрадовавшегося его приходу.

– Привет, Володя! – поздоровался с другом Александр.

– О! Какие люди решили к нам заглянуть! Какими судьбами, Саш?

– Да вот, пролетал мимо, решил заглянуть, провести старых друзей! Какие у вас здесь новости?

– Если честно, ничего интересного. Наверное, хорошо, что ты больше не работаешь в Институте. Дыра дырой стала. Никаких новых сенсационных разработок – не то, что у нас с тобой раньше. Меня вот заставляют заниматься какой-то нелепой селекцией, но ведь ты знаешь, как всё это неинтересно! На заре нашей молодости мы же всё положили на алтарь исследования фотонной активности при столкновении частиц! Мы были так близко, и вот – на тебе... Нас выпихнули в селекцию. Где быллой масштаб? Тот размах? Те цели? Мы же с тобой одной породы! Все мечтаем сделать поистине великие открытия! И фотонный контур, пожалуй, мог бы стать венцом всех наших творений. Никогда ещё человек не пытался попасть в такие далёкие миры, как мы. Мы были так близко... – Владимир тяжело вздохнул. – Лично я бы сейчас все отдал, чтобы продолжить те эксперименты. Я слышал, тебе удаётся проводить работы по созданию собственного фотонного контура у себя дома, на собственные средства? – спросил Владимир.

– Знаешь, пока не очень получается! Хотел бы тебя обрадовать, да пока нечем, – Александр подошёл к стене, на которой висела фотография учёных из их бывшей лаборатории. – Вижу, ты хранишь память... Смотри, здесь все мы: ты, я, Айсли, наши помощники и молодая Юля Полсон! Смотри, какая она здесь ещё девчонка! – улыбнулся Александр. – Недавно была у нас в гостях. Она так изменилась – высокая стройная жгучая брюнетка.

– Конечно, храню! Это были самые светлые годы для нас. Ты так не думаешь?

– Да, мне тоже так кажется. Мы так много прошли вместе. Думаю, мы бы и сейчас работали. Не хочешь присоединиться ко мне? Что толку сидеть здесь, в Институте, штаны протирать на селекцию?

– Нет, что ты. Я так не могу – на вольных хлебах. Мне зарабатывать на жизнь нужно! Всем бы нам таких предков, как у тебя, – он ехидно улыбнулся. В глазах Владимира читалась с трудом скрываемая зависть.

– Понимаю тебя! Если честно, у меня тоже дома проблема с этими вопросами: постоянно с Софией спорим о том, надо ли столько денег тратить на всё это. Не верит она в фотонный контур. Не верит. Ничего не могу с ней поделать!

– Ну да... нам и раньше-то не особо верили, а теперь и подавно. Но знаешь, что-то мне подсказывает, что ты всё-таки близок к достижению цели! Необычно как-то глаза у тебя сверкают. Помню, такими они были в те моменты, когда мы делали прорывы в исследованиях.

– Какой ты проникательный! На самом деле есть кое-что. Боюсь говорить – вдруг не получится.

– Что ж. Правильно. Я на твоём месте тоже бы не распространялся. В конце концов, опасное это всё дело. Так и привлечь могут.

– Точно. Ладно, Володя. Пойду ещё к остальным зайду. Приятно было тебя увидеть! – Александр улыбнулся ему и вышел, закрыв за собой массивную белую дверь.

– А мне-то как приятно, – прошептал Владимир.

Он подошёл к шкафу с кодовым электронным замком и ввёл код. Открыв дверцу, он стал просматривать названия веществ, находившихся в нём. «Полиизобутилен», «Пластификатор», «Масло».

Александр вышел на улицу. Яркое солнце освещало огромную площадь перед зданием лаборатории. Он проходил мимо памятников известным учёным планеты. Рядом же стояли бронзовые изваяния великих изобретений человечества: лук и стрела, компас, печатный станок, колесо, бумага, лампа накаливания, паровой двигатель, термометр, шариковая ручка, бочка с порохом, парашют, телескоп, радио, телефон, автомобиль, самолёт, компьютер, гибкие солнечные батареи.

Неподалёку были расставлены динамики, из которых звучали рассказы об истории изобретений и продвижения человечества в области науки и техники.

Левее, метрах в пятидесяти, столпилось несколько групп маленьких детей, которым каждую неделю под присмотром учителей разрешалось приходить на «Площадь открытий».

* * * ~ ~ * * *

Тем временем София уже практиковалась в кендо с Алексеем. Они зашли в специальный зал для поединков, построенный ими недалеко от их особняка.

– Софи! Включи подавитель, пожалуйста! А то мы сейчас друг из друга винегрет сделаем!

– Сейчас! – сказала она и направилась к центральному прибору контроля атмосферы в помещении. София повернула тумблер, и небольшой зал сначала наполнился странным низким гулом, а затем очерченная площадь в форме круга в середине зала стала образовывать едва заметное энергетическое поле. Звук становился тише и теперь был уже едва слышен. Алексей достал две катаны и зашёл в жёлтый круг. Одну он подбросил подошедшей Софии, а свою расчехлил и положил ножны на стоящую рядом скамейку.

Катана Алексея действительно была произведением искусства. Особая сталь ярко блестела в падающем на неё свете, рукоятка была сделана из материала, имитирующего кожу ската. Как и каждая катана, этот меч был очень необычной формы: неровный и с немного загнутым у конца лезвием. София каждый раз восхищалась внешним видом оружия Алексея.

– Мощная у тебя игрушка, Лёш. На славу смастерил себе клинок.

– Ещё бы... Это тамахаганэ, традиционная японская сталь, используемая при ковке меча с десятого века. Тамахаганэ производится путём сжигания железной руды с углем при высокой температуре в особой плавильне. Сырая сталь формуется в блок и нагревается в печи кузнеца. Кусок стали складывается в несколько раз во времяковки.

– Да, материал, конечно же, важнейшая составляющая. Помнишь, как тогда, в школе, твой приятель попытался расколоть своим мечом кирпич?

– Конечно, помню, как же его звали...

– Я тоже не помню его имени. Хотел похвастаться перед всеми! Его клинок, даже не вонзившись, сломался и отскочил метра на два.

– Вот было зрелище! Кстати, я потом посмотрел на конструкцию его катаны. Будешь смеяться, но ему продали сувенир. Я тебе рассказывал, что отличает сувенир от настоящего оружия?

– Нет, – София тоже вошла в жёлтый круг и расчехлила катану.

– Пропил!

– Что?! – с недоумением переспросила София.

– Пропил в нижней части катаны. Это значит, что клинок не выдержит серьёзного удара и сломается у самого основания. Да и сталь у него – сама знаешь, какая была, алюминий называется, – засмеялся Алексей.

– Кстати, Лёш, ничего смешного. Может, она и алюминиевая была, а едва не покалечила.

– Скорее, действительно, сувенир покалечить может сильнее, чем вот это, – он поднял свою катану вверх в боевом положении. Рядом стояли скрученные вместе бамбуковые снопы, хорошо зафиксированные на специальных постаментах. Алексей сделал резкий кручёный прыжок и, приземлившись, так стремительно разрубил сноп, что некоторое время его верхняя срубленная часть даже оставалась стоять, не падая.

– А вот если бы у меня тоже была детская игрушка с пропилом, сейчас бы клинок отскочил в сторону и мог бы поранить нас.

София подошла к Алексею на расстояние удара катаны.

– Проверим поле! – она поднесла обнажённую катану к руке Алексея и дотронулась до неё, а затем медленным движением потянула меч на себя, немного надавливая на руку Алексея. Рука Алексея была не повреждена, не было даже следа царапины от катаны.

– Удивительно, да? Поле действует только на живые существа, позволяя при этом, рубить бамбуковые палки. Только никогда не повторяй такого вне этого помещения.

София и Алексей начали бескровный поединок. Сначала они ходили по кругу, не приближаясь ближе, чем на полтора метра.

– Давненько мы с тобой не занимались! Потеряла квалификацию?

– Сейчас проверим, – София замахнулась и нанесла режущий удар, но Алексей вовремя подставил свою катану и отразил его.

– Неплохо!

Она сделала ещё пару выпадов и серию колющих ударов. Один из них Алексей чуть не пропустил.

– Как насчёт большей динамики? – Алексей стал нападать сам, и они закрутились в нескончаемой серии ударов, требующих от каждого обладания чудесами пластичности.

– Подожди чуть-чуть, – сказал Алексей и надел на глаза чёрную непроницаемую повязку.

– Ну, ты даёшь! – не выдержала София, – ты теперь и с закрытыми глазами драться можешь?

– Чтобы стать великим воином, нужно оттачивать все органы чувств, – в боевой готовности он поднял свою катану перед собой. – Нападай!

Они снова закружились в серии колющих и режущих ударов. В реальных условиях каждый из подобных ударов мог бы оказаться смертельным. София не верила своим глазам – Алексей дрался на мечах так, как будто он действительно мог видеть все её движения.

– Высший пилотаж! – крикнула София и сделала два эффектных гибких прыжка назад, не выпуская из рук катану.

– Вижу и ты в хорошей форме!

– Конечно! Ведь главное – иметь самого лучшего учителя на планете!

Попрактиковавшись с Алексеем и, как всегда, изучив несколько новых атакующих позиций, София решила оставить его и пойти в дом приготовить ужин. Уходя, она обратила внимание на опасное занятие Алексея – его тренировки с вылетающими резиновыми пулями. Это было зрелище не для слабонервных. Находясь внутри круга, Алексей через пульт дистанционного управления активировал установку, выстреливающую предварительно установленными зарядами. Даже внутри защищённого периметра эти пули могли нанести значительные травмы. Таким образом Алексей оттачивал искусство молниеносного реагирования. Он включил таймер установки и встал напротив, отойдя на расстояние десяти метров. Дальше София смотреть уже не могла и закрыла глаза. Алексей стоял, сосредоточившись на отверстии, из которого через несколько секунд должна была вылететь пуля. Таймер отсчитал положенное время, и снаряд с сильным хлопком вылетел в его сторону. Алексей сделал режущее движение катаной – и разрубленная пополам резиновая пуля упала в метре от него.

* * * ~ ~ * * *

Дверь в комнату Ирины Берг была приоткрыта, и лёгкий прохладный ветерок незаметно пролетал сквозь всю её комнату. Она лежала, укутавшись, под лёгким синим одеялом. Это был её любимый цвет, он очень хорошо гармонировал с её глубокими, как океан, голубыми глазами. Длинные каштановые волосы нежно расстилались на большой плоской подушке. Её комната была самой светлой в доме. Попав в неё, сразу чувствовалось, что её обитатель – молодая девушка. Однако на этом сходство Ирины с другими обычными девушками и заканчивались. Во всём остальном она была больше похожа на мальчиков, причём далеко не самых спокойных. С самого детства её интересовали автоматические устройства и компьютерная техника, но особую страсть Ирина испытывала ко всем видам летательных аппаратов – в этой любви она даже опередила своего старшего брата Виктора. Уже с юных лет она с родителями и братом проводила долгие вечера в обсуждении принципиальных отличий в строении кислородных и атомных двигателей. Вся семья Бергов состояла из потомственных инженеров, которые разрабатывали самые прогрессивные летательные системы, в том числе и для нужд Института.

Рядом с Ириной на стуле расположился небольшой чёрно-белый пушистый комочек – прототип тигрёнка-робота третьего поколения.

Он был миниатюрным и весьма забавным. Небольшие округлые ушки с серым отливом элегантно высовывались из мохнатой головки. Сидел он на задних лапках абсолютно без движения, как будто ожидая, когда его хозяйка проснётся и заговорит с ним.

Третье поколение органических роботов поражало своей пластикой. Их движения были очень плавными благодаря новым механизмам, используемым в сухожилиях и связках. Главным элементом их конструкции был центральный йото-чип, который выполнял функцию головного мозга. Роботы мгновенно обучались и могли интерактивно взаимодействовать с человеком посредством своей новой программы квази-интеллекта.

Плюшевый чёрно-белый тигр Ирины был одним из первых выпущенных роботов третьего поколения. За несколько лет они успели очень сильно сдружиться.

Ирина открыла глаза и в этот же момент увидела его перед собой. Он знал, во сколько его принцесса (именно так по своей программе он называл её) обычно просыпалась, и устанавливал свой таймер включения за десять минут до этого.

– С добрым утром! – поприветствовал он её своим немного металлическим голосом.

– С добрым утром, Ильго! – ответила заспанным голосом Ирина. – А у тебя есть программа сновидений?

– Нет, моя принцесса. У меня такой программы нет. А откуда вы загрузили её себе?

– Глупенький... Люди ничего себе не могут загрузить. Сны приходят к нам сами.

– И вы можете выбирать сны?

– Обычно нет. Но у меня иногда получается. Перед тем как уснуть, я закрываю глаза и пытаюсь представить себе мир, в котором я через мгновение окажусь. Нам, девушкам, свойственно строить себе воздушные замки. Я часто представляю, как сижу на скамейке, на высокой отвесной горе, за которой после гигантского обрыва начинается бескрайний и величественный океан. Я могу взлететь и парить над ним, могу нырнуть и, подобно русалке, изучать его сокровенные тайны, скрытые под километрами водной толщи. Могу снова взлететь обратно на скалу и спокойно, расслабившись, созерцать эту красоту, восседая над ней, подобно богине. Я могу заставить океан покрыться небольшой рябью от утреннего бриза, могу поднять волны высотой с небоскрёб – и он полностью подчинится моей воле.

Ильго внимательно слушал Ирину и всем своим видом давал понять, что он крайне заинтересован рассказом о её снах. Однако мышцы на его плюшевой тигриной мордочке не были

развиты, как у человека, и его мимика ограничивались лишь небольшими скованными движениями щёк и губ.

Ирина и Виктор уже с десяти лет ходили с родителями на ежегодный аэрокосмический выставочный салон, а с пятнадцати лет самостоятельно испытывали простейшие установки. К двадцати годам они собрали свой первый космический аппарат лёгкого класса. После некоторых доработок и необходимого формирования двигательной установки Ирина переработала корабль и назвала его именем одного из самых прогрессивных самолётов России, изобретённых в конце прошлого века – «Беркут-47-Б12». Последнюю букву она добавила от своей фамилии, а число обозначало количество произведённых ею базовых конструктивных изменений. Этот корабль был её гордостью, так как почти все основные работы по его модернизации она производила сама. Собрать необходимые средства ей, конечно же, помогали родители. Но, условно, главной частью корабля были вложенные в него труд и душа Ирины.

«Беркут-47-Б12» стоял на открытой парковке аппаратов за домом семьи Берг. Там же стояли корабли отца и матери, а также два лёгких звездолёта брата – первый из них был достаточно стар и потрёпан в долгих перелётах, а вот второй был не менее современным, чем звездолёт Ирины, – это был корабль класса «Инфинити-5». Ирина и Виктор часто соревновались, испытывая возможности своих кораблей, так как в целом их потенциалы были вполне сопоставимы. Но эти гонки и исследования были не только увлекательными, но и опасными.

Внешне корабли представляли собой подобие больших ласточек, на обтекаемых крыльях которых с обеих сторон находились встроенные, отлитые из единого титанового сплава двигатели тяги. Таким образом, движение корабля обеспечивалось четырьмя двигателями на крыльях и двумя продольными – один с тыльной стороны для основного ускорения и один спереди – чуть меньшей мощности – для реверсного движения.

Весили «Инфинити» и «Беркут» по тридцать тонн, а предельные скорости составляли более 20 000 км/ч. Последний рекорд в 20 850 км/ч показала Ирина при новом форсированном режиме тылового двигателя, и Виктору не терпелось обставить её при очередных испытательных полётах.

Корабли были снабжены гироскопами последнего поколения, которые гарантировали точность при выполнении фигур пилотажа особо сложных классов. Оба корабля могли выдерживать колоссальные перегрузки при полётах, в том числе выполнять форсированные резкие подъёмы и снижения при движении на высоких скоростях, беспилотные полёты с помощью управления через удалённый терминал, а также реверсное движение. Всё это обеспечивало невиданную ранее динамику и маневренность в полёте. Корабли были гордостью и самыми большими достижениями в жизни Ирины и Виктора, так как почти все полученные от своей работы в Институте за испытания новых звездолётов средства они вкладывали в их строительство и модернизацию.

Если не считать военных разработок Института, «Инфинити» и «Беркут» можно было бы назвать самыми быстрыми и маневренными на всех обитаемых планетах. Тестовые машины, которые Ирина и Виктор испытывали по заказу Института, были исключительно гражданскими и по своим характеристикам намного уступали их собственным изобретениям. Однако оба корабля Бергов были выполнены в форме звездолётов малой защищённости. Поэтому пройти на них плотные слои атмосферы и покинуть планету без использования специальных модулей было невозможно.

Из приоткрытого окна Ирина слышала знакомый голос брата, доносившийся с улицы, и окончательно проснулась. Переодевшись и перекусив лежавшими на столе фруктами, она выбежала во двор. Весёлый Ильго быстро, но, как всегда, немного неуклюже, побежал за ней.

Брат увидел сестру и поприветствовал её взмахом руки. Виктор был намного серьезнее Ирины. По крайней мере, он очень хотел таким казаться. Он всегда следил за своим внешним видом. В детстве Виктору даже дали кличку «Астронавт». Его одежда всегда была идеально

чиста и хорошо подобрана. Высокий брюнет, всегда подтянутый и сосредоточенный, готовый отважно выполнить любое задание, привлекал к себе внимание как одноклассников, так и учителей. Таким он предстал перед Ириной и в это утро.

– Ну что, всю ночь думал о том, как я вчера побила твой рекорд по скорости? – съехидничала Ирина.

– Нет, что ты, я весь вечер чертил схемы стыковки моих новых приспособлений. Ты когда-нибудь слышала про ГТ-35-И?

Ирина насторожилась и подошла ближе к Виктору.

– Ты с ума сошёл?! Это же прототип какого-то оружия! Оно запрещено для установки на любых созданных сотрудниками Института кораблях.

– Да не волнуйся так! Это ионная пушка, которая сейчас разрабатывается в соседней лаборатории Флинтгов! Ничего страшного!

– Я знаю братьев Флинт из лаборатории ИИО. Но ты-то как оказался замешан в проекте? Это разработка для военных! У нас нет доступа к этим файлам!

– Я немного покрутил наш сервер и... – Виктор опустил глаза и посмотрел на землю: он всегда так делал, когда чувствовал себя неловко, – в общем, у меня оказались некоторые данные, и я смогу сконструировать кое-что на базе чертежей! Но пока я не буду ничего тестировать!

– Вот спасибо! – вздохнула Ирина и закатила глаза.

– А вот на следующей неделе...

– Ты с ума сошёл! – не выдержала Ирина, – что, если отец узнает? Ты хочешь, чтобы его уволили?

– Ладно тебе, успокойся! Я замёл следы! – он сделал паузу и посмотрел на Ирину, – если, конечно, ты не проболтаешься!

– Я? Мне-то это зачем? Мы с тобой одной крови – ты и я.

Виктор рассмеялся:

– «Маугли», кажется... Твоя любимая книга...

– А что ты смеёшься? Мне кажется, эти старые книги такие интересные! Только представь, вот мы бы с тобой родились не здесь, с этими звездолётами, а в глухой африканской саванне. Ты же знаешь, я вообще люблю читать старые книги. Все эти истории про древние цивилизации...

– Да, я знаю. Помнится, уже в восемь лет ты зачитывалась книгами о раскопках поселений шумеров и майя!

– Я, между прочим, до сих пор зачитываюсь! А в этот раз, мы с подругами очень удачно съездили на Ближний Восток и в Центральную Америку. Ты даже не представляешь, сколько всего мы там накопили. Я привезла с собой много интересных образцов для расшифровки. Сейчас я изучаю их в нашем музее. Так что сегодняшний вечер тоже буду заниматься ими. А вот тебе бы только свои ускорители и ионные пушки расставлять! Ты разве не понимаешь, что это опасно? Люди придумали оружие, чтобы убивать других людей!

– Это кто мне говорит об опасности? – улыбнулся Виктор, – моя младшая сестра, которая в ходе прошлых гонок чуть не угробила тридцатитонный корабль вместе с какой-то деревней на окраине?

– Витя! Ты же обещал не вспоминать и никому не говорить!

– Да-да, я – могила! Это между нами!.. – Он подошёл к ней и обнял. – Ладно, сегодня вечером не будем гоняться. Я посижу с тобой и помогу с дешифровкой твоих табличек. Помнится, у майя были необычные шифры. Кстати, один приятель рассказывал мне, что у майя ещё более трёх тысяч лет назад был свой календарь. Неужели это правда?!

– Вот, другое дело! Я всегда знала, что ты у нас хороший, просто притворяешься! – Ирина улыбнулась и, подойдя поближе к Виктору, поцеловала его в щёку. – А насчёт календаря ты

прав... – Ирина задумалась о чём-то и посмотрела на небо, – и не только он, кстати. Видел бы ты, что мы обнаружили в Паленке, Чичен-Ице и Ушмале! Иногда мне вообще кажется, что представители древних цивилизаций уже тогда были более продвинуты в технологиях, чем мы сейчас. И почему мужчины так редко стали интересоваться таким завораживающим аспектом познания, как история первых цивилизаций... – и, сосредоточившись на своих мыслях, отправилась в их домашнюю библиотеку.

Значение многих исторических фактов часто недооценивается людьми, и скоро каждому живому существу на планете предстояло узнать важность того, что знали первые цивилизации.

* * * ~ ~ * * *

Был уже поздний вечер, но Алексей всё никак не мог уснуть. В его голове постоянно крутились какие-то мысли. В результате он решил бороться со своей бессонницей традиционными средствами – чтением. Он достал листки бумаги, которыми целыми пачками обычно снабжал его профессор, и выбрал наугад один из них, текст на котором сопровождался красивыми иллюстрациями. Это оказалась статья о звёздах во Вселенной. Алексей начал неторопливо читать.

«... Звезда – небесное тело, вследствие огромной отдалённости видимое с Земли как светящаяся точка на ночном небе. Звёзды представляют собой массивные самосветящиеся газовые (плазменные) шары, образующиеся из газово-пылевой среды (главным образом из водорода и гелия) в результате гравитационного сжатия. Температура вещества в недрах звёзд измеряется миллионами градусов, а на их поверхности – тысячами градусов. Энергия подавляющего большинства звёзд выделяется в результате термоядерных реакций превращения водорода в гелий или гелия в углерод, происходящих при высоких температурах во внутренних областях. Звёзды часто называют главными телами Вселенной, поскольку в них заключена основная масса светящегося вещества в природе.

Ближайшей к Земле звездой является Проксима Центавра. Она расположена в 4,2 световых года от нашей звёздной системы. Световой год является не мерой времени, а мерой расстояния, который проходит световая волна в вакууме за один год.

Невооружённым глазом на небе можно рассмотреть около шести тысяч звёзд, по три тысячи в каждом полушарии. Все видимые с Земли звёзды (включая видимые в самые мощные телескопы) находятся в нашей галактике. Остальные звёзды можно рассмотреть только с телескопов, находящихся на орбите, то есть с тех, которым не мешают слои атмосферы при оптическом приближении объектов».

Статья была довольно обширной и охватывала почти все области знаний, накопленные человечеством о звёздах. На четвёртой странице сознание Алексея поглотил сон.

На следующее утро он встал ни свет ни заря. В последнее время ему постоянно снились ужасные сны. Но его кошмары не были связаны каким-то единым сюжетом. Его воображение рождало совершенно разные картины. Это были и катастрофы на космическом корабле, из которого он никак не мог выбраться; и огромные кометы, падающие на землю, остановить которые не могла ни одна из разработанных на планете ракет; и сбой в работе фотонного контура, который своим взрывом от перегрузки разрушал всё вокруг. Но особенно часто повторяющийся кошмарный сон был связан с его родителями, которых он не успевал спасти. Прошло уже более десяти лет, как они погибли при загадочных обстоятельствах, но эти кошмары по-прежнему беспокоили его.

Отец и мать Алексея работали в одной лаборатории вместе с профессором Фостером. Это была эпоха подъёма Института, эпоха, в которой удавалось делать особенно важные и прогрессивные открытия, внедрять в повседневную жизнь инновационные изобретения. Родители часто брали Алексея к себе на работу и давали ему маленькие поручения. Там он и познако-

мился с Александром и его дочерью Софией. Они часто вместе отдыхали и приезжали друг к другу в гости. Главы семей – Дмитрий Шторм и Александр Фостер – часто уединялись и работали, даже когда были дома. Мамы – Надежда и Татьяна – проводили время с детьми, маленькими Алексеем и Софией. Так Алексей и София и стали лучшими друзьями с самого детства; вместе ходили в школу, вместе занимались и дополняли знания и способности друг друга. Это была настоящая, такая редкая, чистая и крепкая дружба девушки и молодого человека. София всегда приводила подругам в пример их отношения, когда те говорили ей о том, что такая дружба невозможна.

Но в один ужасный день это счастливое и беззаботное детство для Алексея закончилось. В тот день его родители собирались в научную экспедицию, а Алексею нужно было готовиться к сдаче важных экзаменов. Александр с Татьяной любезно предложили его родителям присмотреть за ним. Фостеры привезли Алексея домой, а чуть позже всех их застала врасплох ужасная новость. Обычная телепрограмма была прервана срочным сообщением. Диктор, очень быстро и явно нервничая, сообщал: «... на данный момент у наших корреспондентов ещё нет подтверждения официальных источников из группы безопасности, однако уже сейчас является очевидным, что произошла страшная трагедия. Транспортный звездолёт с тридцатью учёными и туристами на борту, направлявшийся на Меркурий, взорвался на третьей минуте полёта. По предварительной информации, катастрофа произошла при отделении второй ступени ракетоносителя. Сейчас уже известно, что все люди на корабле погибли. Среди них было много учёных Института имени Фостера, а также два сотрудника нашего телеканала. Катастроф такого масштаба не было уже на протяжении нескольких десятилетий. Мы приносим свои соболезнования всем семьям погибших». Алексей долго не мог оторваться от экрана телевизора. Он сидел с немного приоткрытым ртом, как будто оцепенев, его лицо мгновенно побледнело. Татьяна попыталась обнять мальчика, чтобы как-то его успокоить, но он резко вырвался из её рук. Никогда ранее они не видели его в таком состоянии. Было заметно, каких трудов стоило ему сдерживать слёзы. Он выбежал из гостиной и помчался по лестнице на второй этаж. Родители Софии бросились за ним, опасаясь, что Алексей сделает что-то непоправимое.

– Лёша! Куда ты? – закричали они.

Но он не слышал их, ему казалось, что он бежал в неизвестность, бежал от этого жестокого мира, где нет ни справедливости, ни сострадания, ни жалости к нему.

Ворвавшись в спальню на втором этаже, Фостеры увидели Алексея, лежащего на большой кровати. Он был неподвижен. Его голова склонилась над фотографией, на которой он был изображён вместе со своими родителями у них дома. Фотография уже начинала изменять свою форму от влаги. Это были скупые мужские слёзы, медленно падавшие на неё сверху.

Сквозь всхлипывания Алексея они смогли разобрать только одну фразу, которую он непрерывно повторял:

– Кто мог такое сделать? Почему они?

Затем он приблизился к сидящему на кровати Александру и медленно опустил голову ему на колени. В его руках была фотография родителей.

Спустя мгновение эти картинки из детства пропали, и он снова очнулся в своей реальности. Едва встав с кровати, он подошёл к окну и резким движением раздвинул шторы. Повеяло чудесной нежной прохладой. Ночью, видимо, прошёл сильный дождь, и все дорожки перед их домом были покрыты остатками небольших луж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.